

Источник: Два веронца. Перевод и предисловие В. Миллера // Шекспир В. Полное собрание сочинений / Библиотека великих писателей под ред. С. А. Венгерова. Т. 1, 1903. С. 1-52.

ДВА ВЕРОНЦА.

Хотя комедія «Два веронца» («The two gentlemen of Verona»), появившаяся въ печати впервые in folio въ 1623 году, не имѣетъ никакихъ внѣшнихъ фактическихъ указаній на время ея написанія, комментаторы давно уже единогласно признали эту пьесу однимъ изъ самыхъ раннихъ произведеній Шекспира. Уже крупные недостатки въ композиціи ясно говорятъ за ея раннее происхожденіе; на то же указываютъ анализъ стиля и метра, характеръ юмора и явные слѣды вліянія эвфуизма. Поэтому большинство комментаторовъ относятъ эту комедію къ 1591 году, хотя нерѣдко раздавались голоса и за болѣе раннюю, и за болѣе позднюю дату*.

Сюжетъ пьесы показываетъ, что въ это время поэтъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ итальянской и испанской литературы новеллъ, пользовавшейся широкимъ успѣхомъ въ Англіи, какъ и во всемъ читающемъ обществѣ Европы, увлекавшемся пастушескими романами Рибейра, Саа де-Миранда, Санназара и Монтемайора. Въ пьесѣ «Два веронца» нѣкоторую часть матеріала Шекспиръ заимствовалъ изъ эпизода о Феликсѣ и Филисменѣ въ «Діанѣ» Монтемайора, написанной въ 1542 году (въ подражаніе «Аркадіи» Санназара) и пользовавшейся огромнымъ успѣхомъ въ теченіе 70 лѣтъ, о чемъ свидѣтельствуютъ 16 изданій, выдержанныхъ этимъ пастушескимъ романомъ. Искусный въ созданіи характеровъ, Шекспиръ, какъ извѣстно, не отличался изобрѣтательностью въ сюжетахъ и нерѣдко, встрѣчая фабулу или положеніе, имѣвшія успѣхъ у публики и понравившіяся ему, заимствовалъ ихъ, видоизмѣняя детали и возвращаясь къ тѣмъ же эпизодамъ иногда по нѣскольку разъ.

«Діана», въ переводѣ Бартоломью Юнга, появилась въ печати лишь въ 1598 году, но, судя по приложенному къ ней предисловію, пролежала въ законченномъ видѣ около 16 лѣтъ и могла быть знакома Шекспиру, переходя въ спискахъ изъ рукъ въ руки, что было въ обычаѣ того времени. Весьма правдоподобно и то предположеніе, что поэтъ пользовался не самой новеллой Монтемайора, а утерянной драматической передѣлкой того же сюжета, именно пьесой, поставленной въ Гринвичѣ, въ присутствіи королевы Елисаветы (въ 1587 году) подъ заглавіемъ «The history of Felix and Philismena». Какъ бы то ни было, исторія Протея и Юліи очень близко напоминаетъ исторію Феликса и Фелисмены, и несомнѣнно, что тѣмъ или инымъ путемъ Шекспиръ былъ знакомъ съ этой частью повѣсти Монтемайора. У послѣдняго Фелисмена любитъ молодого дворянина Донъ Феликса и, разлученная съ нимъ его отцомъ, отославшимъ сына въ другой городъ, переодѣвается въ мужское платье и слѣдуетъ за своимъ возлюбленнымъ. Прибывъ въ городъ, гдѣ находился Феликсъ, она узнаетъ, что онъ измѣнилъ ей, полюбивъ другую девушку — Целію, и удостовѣряется въ этомъ, подслушавъ ночную серенаду, которую

* За 1591 или еще болѣе раннюю дату стоятъ Delius, Elze, Malone, Furnivall, Hales; за 1595 г. — Drake, Fleay и Chalmers; за 1592 годъ — Hertzberg; за 1592-93 - Dowden.

Феликсъ даетъ предмету своего новаго чувства. Не узнанная невѣрнымъ возлюбленнымъ, Фелисмена поступаетъ къ нему пажемъ и однажды, по порученію своего

1

господина, относитъ къ Целіи любовное письмо отъ него. Дальнѣйшая исторія является уже въ иномъ видѣ въ «Діанѣ» и скорѣе напоминаетъ любовныя отношенія герцога, Віолы и Оливіи въ «Двѣнадцатой ночи». Именно, прекрасная дама плѣняется красотой переодѣтой пажемъ дѣвушки и влюбляется въ нее. Конецъ — трагическій: Целія признается въ любви послу Феликса и, не находя, конечно, отвѣта на свою страсть, умираетъ съ горя. Феликсъ въ отчаяніи покидаетъ страну и уѣзжаетъ неизвѣстно куда, а Фелисмена отправляется разыскивать своего возлюбленнаго.

Кромѣ исторіи Протея и Юліи, заимствованной у Монтемайора, можно было бы указать еще на отдѣльные моменты пьесы, имѣющіе отношеніе къ другимъ источникамъ, напр., взятые изъ «Аркадіи» Сиднея или изъ «Apollonius and Silla», повѣсти Барнаби Рича (Barnabe Rich)[†]. Но эти заимствованія очень несущественны.

Что касается главнаго сюжета пьесы, именно исторіи дружбы Валентина и Протея, то, по всей вѣроятности, мы имѣемъ въ немъ замысль самого Шекспира, такъ какъ до сихъ поръ, несмотря на тщательные поиски комментаторовъ, не найдено было ни одного произведенія, откуда Шекспиръ могъ бы заимствовать эту тему. Поэтому комедію «Два веронца» слѣдуетъ признать самостоятельнымъ твореніемъ молодого Шекспира, быть можетъ, первымъ опытомъ на этомъ пути, такъ какъ раньше нашъ поэтъ занимался передѣлкой чужихъ пьесъ.

Вся комедія проникнута тѣмъ параллелизмомъ въ композиціи, который является довольно обычнымъ приѣмомъ въ раннихъ произведеніяхъ поэта.

Непостоянный Протей противопоставленъ вѣрному въ своихъ привязанностяхъ Валентину, умная и блестящая Сильвія — пылкой и нежной Юліи, юмористъ Лаунсъ — остряку Спиду, при чемъ слуги по характеру противопоставляются своимъ господамъ. То же мы наблюдаемъ въ другихъ пьесахъ Шекспира, каковы: «Безплодныя усилія любви», «Комедія ошибокъ», «Сонъ въ лѣтнюю ночь», «Ромео и Джульетта». Такая симметричность въ постро*еніи указываетъ на вліяніе романскаго искусства съ его стремленіемъ къ ясности, порядку и симметріи, отчасти же можетъ быть поставлена на счетъ неопытности автора. Схематичность въ построеніи дѣйствія и группировки характеровъ несомнѣнно продуктъ искусственности, а не органическаго развитія и жизни. Еще неопытный въ первыхъ своихъ твореніяхъ, поэтъ самъ ставитъ себѣ опредѣленныя рамки, стремясь достигнуть единства впечатлѣнія распредѣленіемъ частей, и считаетъ свое произведеніе непрочнымъ, если ему не служитъ поддержкой нѣкоторая механическая система, какъ бы заранѣе опредѣляющая ходъ дѣйствія, свойства характеровъ и появленіе лицъ на сценѣ. Впослѣдствіи, когда гений Шекспира окрѣпъ и сталъ все глубже проникать въ истинную суть жизни, онъ самъ отбросилъ такіе искусственные приемы и предоставлялъ организму драмы развиваться по естественнымъ законамъ, достигая этимъ путемъ высшей неосязаемой цѣльности.

[†] См. Von Friesen «W. Shakspear's Dramen» p. 150; Sidney Lee «A life of W. Shakespeare» (1899) p. 53.

Комедія «Два веронца» — хорошенькая и занимательная пьеса на тему о вѣрной и непостоянной любви и о заблужденіяхъ, въ которыя впадаетъ охваченный страстью разсудокъ, пьеса хотя и слабая въ сравненіи съ позднѣйшими произведеніями Шекспира, но уже представляющая многообѣщающую работу молодого художника. Интересъ поддерживается не столько органическимъ развитіемъ дѣйствія и характеровъ, сколько отдѣльными прекрасными моментами. Стилъ «Двухъ веронцевъ», особенно въ приподнятыхъ мѣстахъ діалога, указываетъ на сильное вліяніе Лилли. Поддаваясь литературному вкусу своего времени, поэтъ пользуется утонченнымъ, галантнымъ языкомъ, вычурными оборотами и эвфуистическими хитросплетеніями, но, быть можетъ, въ этой пьесѣ находятся указанія на то, что Шекспиръ уже начиналъ оцѣнивать по достоинству искусственность «Анатоміи остроумія» пресловутаго Лилли, бывшей въ то время настольной книгой для людей образованнаго общества, въ Англіи. Такъ, когда Валентинъ въ цѣломъ рядѣ пышныхъ и цвѣтистыхъ фразъ изображаетъ свою любовь къ Сильвіи, Протей замѣчаетъ на нихъ:

«Мой другъ, къ чему напыщенность такая?»

(Д. II, сц. 4-я).

Во всякомъ случаѣ молодому поэту было простительно пользоваться «высшимъ стилемъ», такъ какъ онъ господствовалъ въ то время во всей европейской изящной словесности и въ разговорѣ высшихъ классовъ. Поэты и ораторы старались искать гипер-

2

болическихъ выраженій для чувства, колоритныхъ эпитетовъ, богатыхъ метафоръ, мифологическихъ сравненій и охотно прибѣгали къ каламбурамъ и разнымъ словеснымъ фокусамъ. Но уже въ «Двухъ веронцахъ», тамъ гдѣ является самъ Шекспиръ, не разряженный въ мишуру моднаго наряда, мы находимъ прекрасныя описанія, истинно поэтическіе образы; уже ясно слышатся звуки прочувствованной эротической лирики, полной гармоническихъ, нѣжныхъ оборотовъ, чувствуется уже истинный юморъ и неподдѣльная веселость.

Въ «Двухъ веронцахъ» Шекспиръ впервые избираетъ мѣстомъ дѣйствія Италію, куда впослѣдствіи такъ часто уносилось его воображеніе. Но напрасно стали бы мы отыскивать болѣе или менѣе искуснаго воспроизведенія итальянскаго колорита, который поражаетъ насъ въ позднѣйшихъ пьесахъ: передѣлкѣ «Укрощенія строптивой», «Венеціанскомъ купцѣ» и «Отелло». Въ нихъ мы дѣйствительно находимъ столько характерныхъ подробностей и мѣткихъ эпитетовъ, что у многихъ критиковъ невольно явилось предположеніе, не совершилъ ли Шекспиръ путешествія въ Италію. Но въ настоящее время, повидимому, большинство комментаторовъ высказываются противъ такого предположенія. Разсматриваемая пьеса даетъ въ этомъ отношеніи только отрицательныя показанія: поэтъ даже не дѣлаетъ попытки воспроизвести итальянскую жизнь, и немногія подробности изъ быта и природы, которыя встрѣчаются въ пьесѣ, напр., театральное представленіе въ Духовъ день, ручеекъ ласково лобзающій осоку, перемѣнчивый апрѣльскій день — принадлежать гораздо больше Англіи, чѣмъ Италіи. Если бы

Шекспиръ побывалъ въ Италіи, онъ, конечно, не могъ бы отправить Валентина въ Миланъ на корабль. Правда, комментаторъ Эльце удосужился найти указаніе, что въ XVI вѣкѣ Верона и Миланъ были соединены каналомъ, но «Шекспиръ», замѣчаетъ Брандесъ, въ общемъ симпатизирующей гипотезѣ объ итальянскомъ путешествіи поэта, «такъ же мало зналъ эту подробность, какъ то обстоятельство, что въ 1270 г. Богеміи принадлежали нѣкоторыя провинціи, лежавшія на берегу Адриатическаго моря», хотя, слѣдуя Грину, заставляеть своихъ героевъ въ «Зимней сказкѣ» причаливать къ Богеміи на корабль[‡].

Что комедія «Два веронца» не пользовалась большимъ успѣхомъ у публики, видно уже изъ того, что позднѣе, и съ гораздо большимъ успѣхомъ, Шекспиръ пользовался эпизодомъ переодѣванія, напр. въ «Двѣнадцатой ночи». Туда же перенесъ поэтъ и многія детали «Двухъ веронцевъ». Такъ, діалогу между Сильвіей и Юліей, переодѣтой пажемъ соотвѣтствуетъ разговоръ между Оливіей и Віолой, а рассказъ Юліи о собственныхъ страданіяхъ воспроизводится отчасти въ прекрасной сценѣ между Віолой и герцогомъ. Можно указать также на многія моменты общіе съ другими произведеніями Шекспира. Сцена, гдѣ Юлія спрашиваетъ у Лючетты ея мнѣнія относительно своихъ жениховъ, служитъ какъ бы эскизомъ къ превосходной сценѣ такого же содержанія между Порціей и Нериссой въ «Венеціанскомъ купцѣ». Протей такъ же быстро забываетъ Юлію при видѣ Сильвіи, какъ Ромео своею Розалинду при первой встрѣчѣ съ Джульеттой. Монологи Лаунса (II, 3) и Ланцелота Гоббо въ «Венеціанскомъ купцѣ» (II, 2) близки по своему характеру, а серенада докучнаго жениха (IV, 2) вновь появляется въ «Цимбелинѣ» (II, 3)[§].

Хотя въ «Двухъ веронцахъ» мы еще не видимъ болѣе или менѣе полного развитія характеровъ, однако дѣйствующія лица представляютъ уже значительный психологическій интересъ: многіе моменты схвачены и выражены ярко, въ изображеніи чувствъ замѣчается у молодого художника способность индивидуализировать своихъ героевъ, проникать въ глубь человѣческой души. Изъ мужскихъ характеровъ наибольшій интересъ представляетъ Протей — натура съ богатой умственной жизнью, слабымъ сердцемъ и изумительно гибкой нравственностью. Ловкій и изворотливый, одаренный живымъ умомъ, Протей — личность безхарактерная и глубоко эгоистическая; въ погонѣ за наслажденіями и новыми ощущеніями онъ очень неразборчивъ въ пріемахъ и средствахъ. Онъ знаетъ тайны любви, обладаетъ эротическимъ краснорѣчіемъ, быстро воспламеняется, но, достигая взаимности, столь же быстро охлаждаетъ. Въ первой сценѣ сентиментально-нѣжнаго прощанія съ другомъ мы уже наблюдаемъ его тонко-организованную натуру. Не увѣренный во взаимности Юліи, онъ погруженъ въ меланхолію и, какъ самъ заявляетъ, «съ умомъ въ раз-

3

дорѣ свѣтъ весь презираетъ, коснѣетъ въ лѣни, сердце надрываетъ». Но достаточно письма Юліи, чтобъ онъ вознесся на седьмое небо и восклицалъ: «О, счастье! о, милыя черты! о, ангель!» (Д. I, сц. 3-я). Недолго, однако, продолжается эта игра въ чувство и скоро Протею приходится поступить въ школу дѣйствительной жизни. Вынужденная разлука съ

[‡] Брандесъ — Шекспиръ (1899) стр. 131.

[§] См. статью Gisbert Freiherr Vincke «Die beiden Veroneser, als Bühnenstück» въ Jahrbuch der Deutschen Shakespeare-Gesellschaft. В. XXI p. 149.

возлюбленной, впрочем, не вызывает в нем сильного протеста, хотя он и прощается с нею, аффективно клянясь в верности. Одного взгляда на Сильвию достаточно, чтобы прежде столь дорогой ему образ померк и новый поток страсти увлек его, чтобы утерялось всякое различие между добром и злом, а нравственные законы потеряли силу перед жадой наслаждения. Сознание, что он поступает дурно, не исчезает в его анализирующем мозгу, и Протей (Шекспир резко подчеркивает это свойство) всякими софизмами старается оправдать себя, хотя бы в собственных глазах. Он сам с некоторою наивностью признается, что станет изменником другу и возлюбленной и ни перед чем не остановится, лишь бы добиться своего; он побдиль бы даже искушение, если бы это не требовало усилий; но бороться, переламывать себя во имя дружбы и верности — слишком трудно для его неглубокой природы и является стеснением, против которого возмущается его эгоизм. И вот, под влиянием страсти и легкомыслия, он отдается во власть охватившего его потока. В результате — целый ряд низких поступков, доносов и обманов, так как он «сам себя дороже Валентина», и «любовь во всем всегда себялюбива». Он ловко входит в доверие герцога, искусно обходится со своим соперником Турю, доносить и клеветать на друга, чтобы удалить его в изгнание, мастерски ведет интригу, тем более что обстоятельства сами помогают ему; он преследует Сильвию своим ухаживанием и когда, наконец, судьба отдает на мгновение в его руки беззащитную девушку, готов пустить в ход насилие. Наступает развязка: может быть, Шекспир хотел показать, что эта утонченная и влюбчивая натура совершила эти поступки под влиянием молодости и ослепления страсти, не будучи порочной на самом деле, что когда Протей уличен своим другом и видит себя во всей нравственной наготы, пелена спадает с его глаз, уступая место искреннему раскаянию и стыду; может быть, Шекспир действительно хотел, чтобы эти преступления молодости и страсти не ставились юношам в грех и забылись, как тяжелый кошмар. Во всяком случае раскаяние Протея так слабо мотивировано в развязке, что эти сцены шаблонны и неестественны, а хорошо задуманная фигура испорчена.

Полную противоположность изворотливому и сложному Протею представляет его друг Валентин. Он написан в более слабых тонах, но служит Протею как бы необходимым противовесом. Это — натура цельная, здоровая физически и нравственно, честная и безхитростная. Отличный друг, готовый на всякие жертвы и не способный по своему душевному благородству понять зла в близком человеке, он гораздо мужественнее, чем изнужденный Протей, и со своим умом, не знающим сомнений, увлекается внешнею диалектикой. В противоположность своему женолюбивому другу, Валентин смеется над любовью, и насколько Протей мастер в сердечных делах и усердно разбирается в своих чувствах, настолько Валентин далек от любви, которая должна сама его искать и улавливать. Но настает и его час: Валентин полюбил горячо, искренно и безхитростно. Он настолько недогадлив и неопытен, что его слуга должен разъяснить ему назначение письма, написанного им самим по просьбе Сильвии. Хотя любовь и научает его вздыхать, слагать любовные стихи и ломать руки, однако он не потерял голову, как Протей, и не лишился своей энергии. Наказанный за свой дерзкий план овладеть Сильвией без согласия ее отца, герцога, он идет в изгнание и начинает новую жизнь в лесу, атаманом

благородныхъ разбойниковъ. Къ сожалѣнію, развязка пьесы прибавляетъ къ довольно определенной фигурѣ Валентина нѣсколько торопливыхъ и совершенно неестественныхъ штриховъ. Если онъ, узнавъ о козняхъ своего друга, и способенъ, повѣривъ его раскаянію, простить его, то отказъ отъ Сильвіи въ пользу Протея и такое явное невниманіе къ ея чувствамъ не имѣютъ уже никакого оправданія, особенно если принять въ расчетъ самостоятельность характера этой дѣвушки.

Въ интересно задуманныхъ женскихъ фигурахъ пьесы, несмотря на нѣкоторые промахи въ исполненіи, уже чувствуется искусная кисть Шекспира и его знаніе женской души. Характеръ Юліи, по вѣрному

4

замѣчанію одной писательницы**. производитъ впечатлѣніе, будто онъ написанъ въ разныхъ тонахъ: въ отдѣльныхъ сценахъ проявляется у нея какая-нибудь новая черта характера въ зависимости отъ ея настроенія. Шекспиръ словно еще не видитъ передъ собой ея сложнаго образа въ его цѣльности, какъ будто думаетъ, что женскіе характеры состоятъ изъ противорѣчій. По крайней мѣрѣ въ чтеніи репликъ Юліи не такъ ясно чувствуешь одну и ту же личность въ различныхъ сценахъ, какъ въ другихъ позднѣйшихъ женскихъ характерахъ Шекспира. Въ хорошенькой сценѣ съ Лючеттой, Юлія является передъ нами дѣвушкой избалованной своей красотой и ухаживателями, неопытной въ дѣлахъ любви и полной прихотливой, граціозной женственности. Въ ней чувствуется еще дѣвочка, несамостоятельная, радующаяся даже тѣни любовной интриги и старающаяся играть роль свѣтской дамы. И вотъ счастливая, жизнерадостная Юлія, полная дѣвичьей стыдливости и игриваго кокетства, сгараетъ отъ нетерпѣнія прочитать письмо Протея и въ то же время желаетъ, хотя бы въ глазахъ своей камеристки, знающей насквозь свою балованную госпожу, казаться вполнѣ равнодушной и неприступной. И обѣ дѣвушки, прекрасно понимающія другъ друга, разыгрываютъ между собою легкую, граціозную комедію. Хотя эта сцена съ письмомъ (Д. I, сц. 2-я) заимствована Шекспиромъ у Монтемайора, но тонкая психологическая отдѣлка принадлежитъ всецѣло молодому поэту. Открывая намъ впервые характеръ Юліи въ этой игривой сценѣ, Шекспиръ, быть можетъ, дѣлаетъ ошибку, такъ какъ читатель напрасно станетъ искать проявившіяся здѣсь черты характера въ дальнѣйшихъ сценахъ, гдѣ роль Юліи страдательная. При разлукѣ съ Протеемъ она такъ подавлена горемъ, что не можетъ сказать слова прощанія. Во время разлуки въ ней развивается порывистость страсти, и она рѣшается, пренебрегая общественнымъ мнѣніемъ, слѣдовать за своимъ возлюбленнымъ, не имѣя, впрочемъ, еще основанія сомнѣваться въ его вѣрности. Въ Миланѣ Юлія становится уже вполнѣ страдающей, романтической героиней: въ ней уже не остается и тѣни былого тщеславія и игривости, измѣняется и рѣчь ея, въ которой такъ прихотливо смѣшивалось искреннее чувство съ легкой прелестью кокетства. Ей приходится узнать объ измѣнѣ Протея, присутствовать при серенадѣ въ честь Сильвіи, подвергать свое женское самолюбіе постояннымъ ударамъ, — и гордость ея вполнѣ подавлена. Любовь, овладѣвшая всѣмъ ея существомъ, доводитъ ее до такого самоуничуженія, что минутная вспышка женскаго инстинкта и прежней гордости, въ сценѣ съ портретомъ Сильвіи (Д. IV, сц. 4-я,) отрадн

** Miss Grace Latham въ Jahrbuch der deutschen Shakespeare-Gesellschaft, XXVIII p. 20.

дѣйствуетъ на читателя. Ревность беретъ свое, и бывшая пылкая Юлія выцарапала бы глаза у портрета своей соперницы, если бы мягкая, отзывчивая Сильвія не сумѣла смягчить ея сердце. Въ заключительной сценѣ Юлія является свидѣтельницей гнусныхъ дѣйствій Протея, но и здѣсь не рѣшается открыть, кто она. Лишь когда Валентинъ отказывается отъ Сильвіи въ пользу Протея, мѣра страданія переполняется, и Юлія падаетъ безъ чувствъ. Узнанная окружающими, придя въ себя, она обрушивается на своего вѣроломнаго Протея со всей силой и порывистостью, какія мы могли ожидать отъ Юліи перваго акта.

Юліи, по схемѣ пьесы, соотвѣтствуетъ дочь миланскаго герцога Сильвія. Характеръ ея, болѣе уравновѣшенный, чѣмъ характеръ Юліи, проведенъ въ пьесѣ послѣдовательно, потому, можетъ быть, что мы почти не видимъ ея наединѣ съ собою: она постоянно окружена своей свитой, что должно, конечно, значительно сдерживать проявленія ея чувствъ. Обладая быстрымъ и острымъ умомъ, она вполне самостоятельна въ своихъ дѣйствіяхъ. Какъ женщина высшаго круга, она прекрасно владѣетъ собой, никогда не роняетъ своего достоинства, даже въ то время, когда, полюбивъ Валентина, первая даетъ ему понять, что онъ ей нравится. Она хорошо знаетъ людей и человѣческое сердце, вѣрно оцѣниваетъ по достоинству хитраго Протея, умѣетъ, исполняя волю отца, сносить ухаживанія Туріо и быть любезной съ этимъ непріятнымъ для нея человѣкомъ, — кстати сказать, — типичнымъ женихомъ комедіи, богатымъ, недалекимъ и служащимъ мишенью для остроуміи болѣе умныхъ ухаживателей. Вполнѣ обдуманно и глубоко полюбивъ Валентина и сознавая неодолимые препятствія своему счастью, Сильвія готова на бѣгство съ нимъ, хотя при постороннихъ прекрасно владѣетъ собой и не оказываетъ своему избраннику никакого предпочтенія передъ другими ухаживателями. Когда Валентинъ изгнанъ, ея рѣшительный харак-

5

теръ и сильная воля проявляются со всей рѣзкостью. Не долго думая, бросается она къ ногамъ отца, молить его, со всей страстностью своей натуры, за своего возлюбленнаго, пуская все въ ходъ — и слезы, и жалобы, и стоны. Бѣгство ея къ Валентину также характерно для ея смѣлой, самостоятельной натуры и совсѣмъ не похоже на капризное желаніе Юліи слѣдовать за возлюбленнымъ. Со свойственной ей проникательностью она выбираетъ себѣ въ спутники Эгламура, умѣя затронуть слабыя струны этого человѣка, нѣкогда любившаго и утратившаго возлюбленную, покидаетъ дворъ и свое высокое положеніе вполне сознательно и увѣренная въ правотѣ своего дѣла.

Комментаторовъ комедіи сильно затрудняла развязка, которую большинство ихъ находитъ слишкомъ торопливой, наивной съ психологической стороны, неправдоподобной и даже оскорбляющей нравственное чувство зрителей^{††}. Мнѣніе Гервинуса, находящаго, что въ этой развязкѣ «все проведено очень тонко, исполнено мѣткихъ, характеристическихъ чертъ и изваяно, какъ говорится, изъ одного куска»^{‡‡} стоитъ особнякомъ среди сужденій другихъ критиковъ, хотя Гервинусъ признаетъ, что въ сравненіи съ позднѣйшими твореніями Шекспира это всетаки легковѣсный товаръ. Не говоря уже о томъ, что вся послѣдняя сцена комедіи крайне слаба по выполненію,

^{††} См. Женэ - Шекспиръ его жизнь и сочиненія. стр. 148; Bulthaupt «Dramaturgie der Classiker. Shakespeare» стр. XXXI.

^{‡‡} Гервинусъ, Шекспиръ т. I стр. 270.

комментаторы останавливаются главным образом на «раскаянии» Протея и на отказе Валентина от возлюбленной в пользу раскаявшегося друга. Красноречивая и искусная защита этих двух психологических промахов Гервинусом в конце концов мало убедительна. Критик указывает, что напряженный дружественный героизм, способность быстро ощущать и быстро действовать вполне свойственны Валентину, который и по схеме пьесы, вместе с самоотверженной Юлией, по своему добродушию, и незлобivosti, служить противником хитрому и эгоистическому Протею. В порыве великодушия необдуманно решается он на величайшую жертву, тем более что, как человек, ставший разбойником, он не смеет и думать об обладании Сильвией. Протей же, говорит Гервинус, исправляется от своих заблуждений, обсудивши достоинства своей Юлии, которая гораздо больше говорит его уму, нежели сердцу, и умеет мягким упреком, если не пробудить в нем добрых начал души, то, по крайней мере, пробудить чувство собственного достоинства. Если Шекспир и хотел изобразить все то, что приписываете ему Гервинус, то во всяком случае плохо мотивировал и чувства, и поступки действующих лиц, так как поэт, обыкновенно подавляющий критическую способность читателя художественной правдой и силой впечатления, в этой развязке оставляет его с чувством полной неудовлетворенности и недоумения. Комментаторы старались разными путями найти этому объяснение. Объяснить эту сцену слишком близким следованием какому-нибудь источнику мы не имеем данных. Дауден полагает, что если 5-й акт вышел из пера Шекспира в таком виде, то нужно думать, что он отдавал пьесу на сцену, когда еще часть ее оставалась в виде небрежного наброска и развязку имелось в виду разработать впоследствии^{§§}. Гертцберг высказывает тот взгляд, что пьеса подверглась передельке или сокращению каким-нибудь писателем-драматургом елизаветинского века. Возможно, по его мнению, и то, что текст был составлен с недостаточной полнотой из списков отдельных ролей актеров, и в заключительной сцене получились пропуски, возстановить которые было бы трудно. Каррьер думает, что Шекспир мог найти такую черту дружеского героизма в какой-нибудь испанской драме, и тонко проводить свою гипотезу, указывая на то, что романтические разбойники и отказ от возлюбленной из чувства дружбы не безызвестны на испанской сцене^{***}. Самые слова, в которых Валентин отказывается от своих прав на Сильвию, некоторые критики понимали в том смысле; что Валентин обещает Протею только дружбу Сильвии. Но при достаточной ясности слов Валентина, очевидно верно понятых Юлией, упавшей в обморок, такие толкования представляются натяжкой, да и вообще едва ли нужно оправдывать автора за юношеские промахи его ранних пьес. Во всяком случае всё

6

выдвинутые до сих пор гипотезы пока еще не привели к положительному результату и остаются гаданиями.

Некоторые критики ставили Шекспиру в упрек, что в «Двух веронцах» комический элемент слишком груб, приноровлен ко вкусам тогдашней публики, а

^{§§} Дауден – Шекспир. Критическое изложение его мысли и его творчества стр. 58.

^{***} Jahrbuch der D. Shakespeare-Gesell. VI, 367.

главное, что сцены, гдѣ выступаютъ комическія фигуры — Спидъ и Лаунсъ, — не служатъ для хода и мотивировки дѣйствія, имѣя назначеніе только потѣшить простонародье. Но если Шекспиръ заслужилъ такой упрекъ въ нѣкоторыхъ другихъ юношескихъ пьесахъ, такое мнѣніе о комическомъ элементѣ въ «Двухъ веронцахъ» едва ли справедливо. Не говоря уже о томъ, что этотъ низменный комическій фонъ, на-ряду съ житейскимъ реализмомъ (напр. хозяинъ гостиницы, засыпающій въ сценѣ серенады (Д. IV, сц. 2-я) въ то время, какъ Юлія съ отчаяніемъ узнаетъ объ измѣнѣ Протея), даетъ возможность рельефнѣе выдвинуться серьезной части комедіи и оживляетъ ходъ дѣйствія, — оба слуги входятъ въ схему пьесы, являются каждый противоположностью своему господину и не только дѣйствіями, но и рѣчами помогаютъ читателю разобраться въ характерахъ и поступкахъ ослѣпленныхъ страстью господъ. Гервинусъ заходитъ, несомнѣнно, слишкомъ далеко въ осмысленіи комическихъ лицъ «Двухъ веронцевъ», когда предполагаетъ, что рассказъ Лаунса объ отъѣздѣ изъ Вероны представляетъ пародію на безмолвное разставаніе Протея съ Юліей, что сцена, гдѣ Спидъ вмѣшивается въ любовныя отношенія Лаунса и за то подвергается потасовкѣ, есть карриатура на коварное вторженіе Протея въ любовныя отношенія Валентина и Сильвіи, что эгоизмъ Протея и все его себялюбивое поведеніе по отношенію къ другу и возлюбленной находятъ себѣ молчаливое осужденіе въ вѣрности его неотесаннаго слуги, который готовъ безъ колебанія принести своему господину величайшую жертву — разстаться съ самымъ близкимъ другомъ, своей собакой. Нельзя также не признать, что комическій элементъ съ одной стороны и серьезный — съ другой въ «Двухъ веронцахъ» еще не проникаютъ другъ друга вполне, какъ позднѣе у Шекспира. Тѣмъ не менѣе, оба элемента уже близко соприкасаются, взаимно пополняя другъ друга, и молодой авторъ сумѣлъ къ грубому комизму, во вкусѣ времени, примѣшать не мало истиннаго юмора. Спидъ является въ комедіи типичнымъ балагуромъ, дѣйствующимъ, главнымъ образомъ, своею изумительною болтливостью. Гораздо болѣе оригинальный Лаунсъ затрогиваетъ въ своихъ комическихъ монологахъ болѣе серьезные элементы жизни. Это первое комическое лицо у Шекспира, живое и реальное, в которомъ выступаетъ настоящій, сочный англійскій юморъ.

При недостаточности біографическихъ данныхъ, обстоятельства при которыхъ составлялась пьеса, и настроеніе автора могутъ быть указаны лишь въ общихъ чертахъ. «Два веронца» написаны въ первомъ періодѣ пребыванія Шекспира въ Лондонѣ. Его жизнь была богата впечатлѣніями, которыя онъ воспринималъ среди своей разносторонней дѣятельности актера, драматурга и поэта. Шекспиръ испытывалъ тогда какъ бы двойную молодость — человѣка и генія, богатаго отзвуками на жизнь и жадно накоплявшаго впечатлѣнія; онъ чувствовалъ, какъ росли его творческія силы, а вдали уже начинала занимать заря его славы. Люди близкіе къ нему цѣнили литературу, какъ истинные представители ренессанса, многіе сами были поэтами или диллетантами, любили блистать роскошью, наслаждаясь жизнью, любясь ея чудесами. Все это сливалось съ весеннимъ настроеніемъ Шекспира. Поэтому печать молодости и жизнерадостности ярко отмѣчаетъ «Двухъ веронцевъ». При многихъ недостаткахъ пьеса подкупаетъ читателя юношескимъ задоромъ, безпечнымъ здоровымъ смѣхомъ щедро одаренной натуры, еще не искушенной горемъ, еще не знающей душевнаго разлада. Въ ней, впервые у Шекспира, выступаетъ свѣжей струей любовь поэта къ природѣ, къ ароматическому воздуху лѣсовъ (см. монологъ Валентина Д. V сц. 4-я). Въ образахъ и

сравненіяхъ, взятыхъ изъ природы, слышится голосъ самого поэта, возросшаго на вольномъ воздухѣ и тонко понимающаго красоту англійскаго ландшафта. Характеризуя «Двухъ веронцевъ», Фризенъ^{†††} удачно выразился, что комедія эта съ начала до конца производитъ впечатлѣніе наступающей весны, когда сердце невольно радуется набухающимъ почкамъ и съ полной надеждой ожидаетъ, скоро ли онѣ откроются.

Всеv. Миллеръ.

7

ДВА ВЕРОНЦА. ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Герцогъ миланскій.

Валентинъ }
Протей } веронскіе дворяне.

Антоніо, отецъ Протeya.

Туріо, соперникъ Валентина.

Эгламуръ, дворянинъ.

Спидъ, слуга Валентина.

Лаунсъ, слуга Протeya.

Пантино, слуга Антоніо.

Хозяинъ гостиницы въ Миланѣ.

Разбойники.

Юлія, молодая веронская дѣвушка.

Сильвія, дочь герцога миланскаго.

Лючетта, горничная Юліи.

Слуги, музыканты.

Мѣсто дѣйствія – Верона, Миланъ и мантуанская граница.

^{†††} Von Friesen. W. Shakespeare's, Dramen. стр. 156.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Площадь въ Веронѣ.

СЦЕНА I.

Входятъ Валентинъ и Протей.

Валентинъ.

Эхъ, перестань, мой дорогой Протей:
Отъ домоѣдства умъ не разовьется
Да, если бы оковами любви
Привязанъ не былъ ты ко взорамъ милой.
Со мной тебя я попросилъ бы ѣхать,
Чтобъ видѣть странъ далекихъ чудеса,
А не корпѣть безъ пользы, сидя дома,
И тратить юность въ праздности безцѣльной.
Но ты влюбленъ — успѣхъ твоимъ мечтамъ!
Себѣ того бѣ желалъ, люби я самъ.

Протей.

Такъ ты ужъ въ путь? Прощай, другъ Валентинъ!
И вспомни обо мнѣ, коль на пути
Увидишь ты предметъ, достойный зрѣнья;
И если счастье встрѣтится тебѣ,
То подѣлись со мною, а въ минуты
Опасности, когда ее ты встрѣтишь,
Себя моимъ молитвамъ поручай:
Я буду твой молещикъ, Валентинъ.

Валентинъ.

По книгѣ о любви молить мнѣ станешь счастья?

Протей.

Молиться буду я съ любимой книгой.

Валентинъ.

По глупой книгѣ о любви глубокой:
Какъ Геллеспонтъ проплылъ молодой Леандръ.

Протей.

Пѣснь глубока, а чувство было глубже:
Онъ по уши ушелъ в него.

Валентинъ.

Согласенъ.

Но ты въ него съ ушами погрузился,
А Геллеспонта вѣдь не переплылъ.

Протей.

Съ ушами? я? Хоть ихъ-то пощади!

Валентинъ.

Тебѣ, вѣдь, этимъ не поможешь.

Протей.

Что?

9

Валентинъ.

Любовь, гдѣ скорбь встрѣчаетъ лишь презрѣнье,

Надорванное сердце — взгляды жеманный,

Гдѣ мигъ блаженства стоитъ двадцати

Ночей бессонныхъ, скучныхъ, безконечныхъ;

Достигъ и, можетъ быть, достигъ несчастья,

А потерялъ — такъ снова нажилъ горе.

Она — разсудкомъ добытая глупость,

Иль глупостью подавленный разсудокъ.

Протей.

Такъ я глупецъ по-твоему?

Валентинъ.

Ты будешь

Имъ, если все по-твоему поидеть.

Протей.

Бранишь любовь; но я вѣдь не любовь.

Валентинъ.

Она твой господинъ, ты — рабъ покорный;

А тотъ, надъ кѣмъ владычествуетъ глупость,

Не можетъ быть причисленъ къ мудрецамъ.

Протей.

Поэты говорятъ: какъ въ лучшей почкѣ

Цвѣтка гнѣздится червь, такъ и любовь

Вселяется и въ самый свѣтлый умъ.

Валентинъ.

Но вѣдь они же говорятъ: какъ почка,

Не распустившись, гибнетъ отъ червя,

Такъ отъ любви въ безуміе впадаетъ

И юный, нѣжный умъ: онъ въ почкѣ сохнетъ,

Теряетъ цвѣтъ еще весною ранней,

И съ нимъ плоды всѣхъ будущихъ надеждъ.

Но что жъ я трачу время на совѣты

Тебѣ, поклоннику желаній нѣжныхъ?

Прощай, пора мнѣ: ждетъ меня отецъ,

Чтобъ видѣть, какъ я сяду на корабль.

Протей.

Я провожу тебя туда же, другъ.

Валентинъ.

Нѣтъ, дорогой Протей, простимся здѣсь.
Ты извѣстишь меня письмомъ въ Миланѣ
О здѣшнихъ новостяхъ и объ успѣхахъ
Въ своей любви въ отсутствіе мое;
А я на то письмомъ тебѣ отвечу.

Протей.

Желаю всякихъ благъ тебѣ въ Миланѣ.

Валентинъ.

Тебѣ того же дома. Ну, прощай. (*Уходитъ*).

Протей.

Онъ гонится за славой, я — за чувствомъ;
Друзей онъ бросилъ, чтобъ себя возвысить;
Я бросилъ для любви себя, друзей.
Ты, Юлія, меня преобразила:
Занятя бросилъ я, теряю время,
Съ умомъ въ раздорѣ, свѣтъ весь презираю,
Коснею въ лѣни, сердце надрываю.

Входитъ Спидъ.

Спидъ. Здравствуйте, господинъ Протей!

Видѣли ли вы моего господина?

Протей. Онъ только-что ушелъ, чтобъ отправиться въ Миланъ.

Спидъ.

Ну, если онъ отправился въ Миланъ,

Такъ я теперь потерянный баранъ.

Протей.

Да, вотъ баранъ тотчасъ и заблудился,

Едва пастухъ отъ стада отлучился.

Спидъ. Значить, вы изъ этого выводите, что господинъ мой пастухъ,
а я баранъ.

Протей. Вывожу.

Спидъ. Значить, мои рога — сплю ли я, или не сплю — его рога.

Протей. Глупый выводъ, вполнѣ достойный барана.

Спидъ. Стало-быть, и онъ тоже дѣлаетъ меня бараномъ?

Протей. Разумѣется, а господина твоего пастухомъ.

Спидъ. Нѣтъ, это я могу отвергнуть однимъ доводомъ.

Протей. А я пойду дальше, и докажу это другимъ.

Спидъ. Пастухъ ищетъ барана, а не баранъ пастуха; здѣсь же,
напротивъ, я ищу моего хозяина, а онъ меня не ищетъ: слѣдовательно — я
не баранъ.

Протей. Баранъ, изъ-за корма, слѣдуетъ за пастухомъ, но пастухъ
изъ-за пищи не слѣдуетъ за бараномъ. Ты, изъ-за жалованья, бѣгаешь за
господиномъ, но господинъ твой изъ-за жалованья не бѣгаетъ за тобою:
ergo — ты баранъ.

Спидъ. Еще одно такое же доказательство, и я закричу: бэ-э-э.

Протей. Однако, послушай: передалъ ли ты мое письмо Юліи?

10

Спидъ. Да, синьоръ — я, заблудшій баранъ, передалъ письмо ваше ей, потерянной овечкѣ; а она, потерянная овечка, не дала мнѣ, заблудшему барану, ничего за всѣ мои труды.

Протей. Пастбище то слишкомъ мало для цѣлаго стада барановъ.

Спидъ. Если оно слишкомъ мало, такъ вамъ бы ужь лучше приколоть овечку.

Протей. Не туда попалъ; лучше *запереть* тебя въ *хлѣвъ*.

Спидъ. Лучше бы вы, не *запираясь*, выдали мнѣ фунтъ стерлинговъ на *хлѣвъ* за передачу письма.

Протей. Опять совралъ: я говорю тебѣ не о *хлѣбѣ*, а о *хлѣвѣ*, о закутѣ.

Спидъ.

Да, какъ ни складывай — *хлѣбъ* да закутѣ,
Все жь мнѣ приходится мало за трудъ.

Протей. Что жь она сказала? (*Спидъ киваетъ головою*). Кивнула, болванъ?

Спидъ. Да.

Протей. Да? что — да? кивнула, или что ты болванъ?

Спидъ. Вы не такъ поняли, сударь. Я говорю: «она кивнула»; вы спрашиваете: «кивнула ли она?» я отвечаю: «да!» Смекаете?

Протей. Смекаю — и по смѣтѣ выходитъ въ итогъ, что ты болванъ?

Спидъ. Вы сдѣлали смѣту, такъ возьмите себѣ за труды и итогъ.

Протей. Нѣтъ, зачѣмъ же обижать тебя? Онъ твой за переносъ письма.

Спидъ. Вижу, сударь, что мнѣ приходится много переносить отъ васъ.

Протей. Что же, на примѣръ?

Спидъ. Да писемъ — и не получать за это ничего, кромѣ «болвана».

Протей. Ты быстро смекаешь.

Спидъ. Но все-таки не настолько, чтобы догнать вашъ неповоротливый кошелекъ.

Протей. Ну, довольно. Развязывай-ка скорѣе свой языкъ. Что она тебѣ сказала?

Спидъ. Развяжите-ка скорѣе кошелекъ, тогда и ваши деньги и ея слова будутъ за разъ переданы по назначенію.

Протей. Ну, вотъ тебѣ за труды. Что жь она сказала?

Спидъ. Видите ли, сударь — я полагаю, что вы едва ли склоните ее къ любви.

Протей. Какъ? Развѣ она дала тебѣ это понять?

Спидъ. Ну, нѣтъ — она мнѣ ничего не дала, ни даже червонца за передачу письма. А если она была такъ жестока ко мнѣ за передачу вашихъ мыслей, то я боюсь, что она поступитъ такъ же жестоко и съ вами,

при передачѣ вамъ своихъ мыслей. Не дарите ее ничѣмъ, кромѣ камней: она тверда, какъ сталь.

Протей. Такъ она ничего не сказала?

Спидъ. Какъ есть — ничего; не сказала даже: «вотъ тебѣ за трудъ». Но вы доказали свою щедрость мелкою монетою, и я прошу васъ, изъ признательности, доставлять впередъ свои письма собственноручно. Затѣмъ не премину передать вашъ поклонъ моему господину. (*Уходитъ*).

Протей.

Ступай, спаси корабль вашъ отъ крушенья;

Онъ не потонетъ, если ты на немъ:

На сушѣ смерть назначена тебѣ,

Я жъ долженъ взять посла себѣ другого;

Боюсь, она пренебрегла письмомъ,

Увидя олуха — моимъ посломъ. (*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Тамъ же. Садъ при домѣ Юліи.

Входятъ Юлія и Лючетта.

Юлія.

Скажи, Лючетта, — мы теперь однѣ —

Совѣтуешь ли мнѣ любви предаться?

Лючетта.

Въ просакъ вамъ какъ-бы не попасть, синьора.

Юлія.

А кто изъ всѣхъ блестящихъ кавалеровъ,

Которые вокругъ меня толпятся,

По-твоему достойнѣе любви?

Лючетта.

Прошу васъ ихъ назвать — и я скажу,

Что думаю о каждомъ, безъ утайки.

Юлія.

Что скажешь о прекрасномъ Эгламурѣ?

Лючетта.

Онъ ловкій и любезный господинъ.

Но будь я — вы, не увлеклась бы имъ.

Юлія.

А нравится ль Меркаціо тебѣ?

Лючетта.

Богатство — да, а самъ онъ — такъ себѣ.

Юлія.

А о Протеѣ какъ твое сужденье?

Лючетта.

Я поглупѣла нынче безъ сомнѣнья!

Юлія.

Какъ мнѣ понять такое восклицанье,

При имени Протея?

Лючетта.

Какъ признанье,

Что я ничто — и мнѣ ли всѣхъ судить,

И мнѣ-ли всѣхъ достоинства цѣнить?

Юлія.

Но ты судила же о всѣхъ другихъ.

Лючетта.

По моему, онъ лучшій между нихъ.

Юлія.

А почему?

Лючетта.

Мой выводъ чисто женскій:

Изъ всѣхъ онъ лучшій, ибо лучше всѣхъ.

Юлія.

По-твоему, его мнѣ полюбить?

Лючетта.

Да, если чувствомъ должно дорожить.

Юлія.

Но онъ одинъ не трогалъ мнѣ души.

Лючетта.

За-то одинъ васъ любитъ отъ души.

Юлія.

Любовь ли то, когда онъ все молчитъ?

Лючетта.

Подавленный огонь сильнѣй горитъ.

Юлія.

Кто про любовь ни слова, тотъ не любитъ.

Лючетта.

Не любитъ тотъ, кто про любовь всѣмъ трубитъ.

Юлія.

Но какъ узнать, что въ сердцѣ у него?

Лючетта.

Прочтите это.

Юлія (*читая*).

«Къ Юліи!» Отъ кого?

Лючетта.

Вамъ скажетъ смыслъ.

Юлія.

Кто жь далъ тебѣ письмо?

Лючетта.

Пажъ Валентина, посланный Протеемъ;

Хотѣлъ вручить онъ вамъ, но я взяла.

Простите мнѣ, что такъ была смѣла.

Юлія.

Ахъ, стыдъ какой! Посланица любви!

Любовныя записки принимаетъ!

Какъ смѣешь ты шептаться, разставлятъ

Мнѣ западню? Достойное занятъе!

И для него вполнѣ годишься ты.

Возьми письмо, отдай его назадъ,

Иль болѣе ко мнѣ не возвращайся.

Лючетта.

Словечко за любовь — не преступленъе.

Юлія.

Ступай!

Лючетта.

Уйду: вамъ нужно размышленъе.

(Уходитъ).

Юлія.

А все-таки хотѣлось бы прочестъ

Письмо; но стыдно воротить Лючетту,

Простивъ ей то, за что ее бранила.

Но какъ она глупа, что не умѣла

Меня заставить прочитатъ письмо.

Изъ скромности, вѣдь, говорятъ нерѣдко

Дѣвицы «нѣтъ», сказатъ желая «да».

Какъ своенравна глупая любовь!

Ребенокъ такъ капризный щиплетъ няньку

12

И вслѣдъ за тѣмъ, смирясь, цѣлуетъ пруть.

Сейчасъ я съ бранью прогнала Лючетту,

А какъ хотѣлось удержатъ ее!

Со строгостью нахмурила я брови,

А на душѣ веселье улыбалось.

Такъ въ наказанъе жь позову ее,

И глупый свой поступокъ тѣмъ исправлю.

Лючетта, гдѣ же ты?

Входитъ Лючетта.

Лючетта.

Что вамъ угодно?

Юлія.
Не поданъ ли обѣдъ?
Лючетта.
Желала бъ я,
Чтобъ поданъ былъ: вы сердце бы сорвали
Тогда на немъ, а не на мнѣ.
Юлія.
Что тамъ
Ты подняла поспѣшно?
Лючетта.
Ничего.
Юлія.
Зачѣмъ же нагибалась?
Лючетта.
За бумажкой,
Которую сама я уронила.
Юлія.
Въ ней ничего нѣтъ?
Лючетта.
Ничего ко мнѣ.
Юлія.
Такъ пусть лежитъ для тѣхъ, кому нужна.
Лючетта.
Кому нужна, ужъ не солжетъ она,
Когда онъ самъ не исказитъ въ ней смысла.
Юлія.
Письмо въ стихахъ отъ твоего предмета?
Лючетта.
Его я пропою, лишь положите
На музыку — вы въ этомъ мастерица.
Юлія.
На всякій вздоръ не подберешь мотива;
Пропой его на голосъ «Свѣтъ любви».
Лючетта.
Веселый тонъ для пѣсни грустной.
Юлія.
Она грустна? а какъ ее припѣвь?
Лючетта.
Хорошъ, когда вы сами пропоете.
Юлія.
А что же ты?
Лючетта.
Да слишкомъ тонъ высокъ.

Юлія.

Ну, покажи! Голубушка, что-жъ это?

Лючетта.

Лишь не сбивайтесь съ тона и пропойте
Все до конца. Вашъ тонъ мнѣ не по вкусу.

Юлія.

А почему?

Лючетта.

По мнѣ онъ слишкомъ рѣзокъ.

Юлія.

Ахъ, дерзкая!

Лючетта.

Ну вотъ вы и ошиблись,
И рѣзкимъ дискантомъ нарушенъ строй!
Для полноты вторить вамъ долженъ теноръ.

Юлія.

Твой грубый басъ всю стройность нарушаетъ.

Лючетта.

Конечно, я пою вѣдь за Протея.

Юлія.

Довольно: ты мнѣ вздоромъ надоѣла.
Вотъ образецъ любовной чепухи!

(Рветъ письмо).

Оставь меня. Не трогай лоскутковъ:
Ты мнѣ въ досаду хочешь ихъ собрать.

Лючетта (про себя).

Досадно ей; а вѣдь была бы рада,
Чтобъ досадили ей другимъ письмомъ.

(Уходитъ).

Юлія.

И я могла сердиться на письмо?
О, руки гадкія! вы разорвали
Слова любви. Вы точно злыя осы,
Что поѣдаютъ сладкій медъ, а пчель
Язвятъ въ награду жаломъ смертоноснымъ.
За-то клочекъ я каждый расцѣлюю.
Здѣсь «доброй Юліей» меня зоветъ онъ.
О, злая Юлія! смотри: въ отмщенье
На камни я твое бросаю имя,
И гордость всю твою топчу ногой.
А здѣсь: «любовью раненый Протей»...
Бѣдняжка, грудь моя тебя пригрѣтъ,
Пока отъ раны ты не исцѣлишься;
Теперь ее замкну я поцѣлую.

Но два-три раза здѣсь Протея имя
Написано? Ахъ, тише, добрый вѣтеръ!
Не уноси ты слова у меня,
Пока всѣхъ буквъ въ письмѣ не соберу я.
Мое лишь имя пусть уноситъ вихрь
На страшную, нависшую скалу,
И сдуетъ въ волны яростнаго моря!
Но вотъ его два раза имя въ строчкѣ:
«Протей отвергнутый, Протей влюбленный!»
«Къ прекрасной Юліи...» Но это прочь...
Иль нѣтъ, не оторву: его такъ мило
Онъ сблизилъ съ грустнымъ именемъ своимъ.
Сложу ихъ лучше вмѣстѣ — и теперь
Цѣлуйтесь, ссорьтесь, дѣлайте, что любо.
Входитъ Лючетта.

Обѣдъ готовъ, и батюшка вашъ ждетъ.
Юлія.

Сейчасъ. Пойдемъ.
Лючетта.

Что жъ это? Лоскутки
Останутся рассказчиками здѣсь?
Юлія.

Такъ подними, коль ими дорожишь.
Лючетта.

Меня бранили вы, что ихъ собирала,
А все жъ я подниму ихъ, чтобъ они
Не простудились.

Юлія.

Вижу я, что ими
Ты дорожишь.
Лючетта.

Что вамъ угодно видѣть —
Вы можете; но вижу все и я,
Хоть вы меня считаете слѣпою.

Юлія.

Ну, хорошо. Пойдемъ, пойдемъ, болтунья!
(*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Тамъ же. Комната въ домѣ Антоніо.

Входятъ Антоніо и Пантино.

Антоніо.

Скажи, Пантино, про кого мой братъ
Такъ строго говорилъ на галлерей?

Пантино.

Про своего племянника Протея.

Антоніо.

Что жъ именно?

Пантино.

Дивится онъ, что вы
Ему даете время тратить дома,
Когда, при меньшей знатности, другіе
Къ отличіямъ дѣтей своихъ готовятъ:
Одни — на бой, чтобъ счастье испытать,
Другіе — въ море для открытій новыхъ,
Тѣ — для науки въ университеты.
Онъ полагаетъ, что вашъ сынъ на каждомъ
Изъ этихъ поприщъ могъ бы отличиться, —
И требовалъ, чтобъ я васъ убѣдилъ
Протея дома больше не держать;
Что въ старости ему упрекомъ будетъ,
Что въ юности онъ свѣта не видалъ.

Антоніо.

Ну, убѣждать тебѣ меня не нужно;
Самъ думалъ я объ этомъ цѣлый мѣсяць.
Я вижу, что онъ время тратитъ даромъ
И что не станетъ мужемъ совершеннымъ,
Пока не искутится въ школѣ жизни.
Трудами мы пріобрѣтаемъ опытъ,
А время совершенствуетъ его.
Скажи, куда бы намъ его отправить?

Пантино.

Я полагаю, вамъ не безызвѣстно,
Что юный Валентинъ, его товарищъ
Теперь при императорѣ.

Антоніо.

Да, знаю.

Пантино.

Не дурно бы его туда жъ отправить.
Онъ храбрость испытаетъ на турнирахъ.
Узнаетъ свѣтскій тонъ, сойдется съ знатью
И, вообще, научится занятьямъ,
Приличнымъ роду и годамъ его.

Антоніо.

Вполнѣ съ твоимъ совѣтомъ я согласенъ;
И, чтобъ ты видѣлъ, какъ онъ мнѣ по вкусу,
Не медля, я послѣдую ему
И, лишь представится удобный случай,
Отправлю я Протея ко двору.

Пантино.

Извѣстно ль вамъ, что завтра донъ-Альфонсо
И нѣсколько дворянъ хорошей крови
Туда же ѣдутъ, съ цѣлью предложить
Свои услуги цезарю?

Антоніо.

Вотъ кстати!

Отличные сопутчики! Вотъ съ ними
Поѣдетъ и Протей. Но вотъ и онъ.

Входитъ Протей.

О, счастье! о, милыя черты!
Ея рука здѣсь высказала душу:
Вотъ клятвы вѣрности, залогъ любви;
О, еслибъ наше счастье увѣнчали
Родители согласіемъ своимъ!
О, ангель! Юлія!

Антоніо.

Что за письмо читаешь ты, Протей!

Протей.

Письмо отъ Валентина — строчки двѣ.
Не болѣе. Его мнѣ передалъ
Нашъ общій другъ, прибывшій отъ него.

Антоніо.

Дай мнѣ прочесть, что новаго онъ пишетъ?

Протей.

Нѣтъ новаго покамѣстъ ничего:
Онъ пишетъ только, батюшка, что счастливъ,
Что всѣми онъ любимъ, что императоръ
Къ нему благоволяетъ, и что желалъ-бы,
Чтобъ я съ нимъ раздѣлилъ его успѣхи.

Антоніо.

А ты съ его желаніемъ согласенъ?

Протей.

Но ваша воля, батюшка, дороже
Мнѣ, чѣмъ желанье друга моего.

Антоніо.

Она съ его желаніемъ согласна.

И не дивись, что быстро я рѣшаю.
Что я рѣшилъ — перерѣшать не стану.
Я положилъ, что вмѣстѣ съ Валентиномъ
Ты поживешь при цезарскомъ дворѣ,
И сколько отъ родныхъ онъ получаетъ,
То получить ты будешь отъ меня.
Такъ завтра же готовься ты къ отъѣзду;
Не возражай — я все уже обдумалъ.

Протей.

Такъ скоро я собраться не успѣю;
Прошу васъ отложить хоть на два дня.

Антонио.

Все нужное пошлетъ за тобою.
Къ чему отсрочка? Завтра ты поѣдешь.
Пойдемъ, Пантино — на тебѣ лежитъ
Обязанность скорѣй его отправить.

(Антонио и Пантино уходятъ).

Протей.

Огонь я обошелъ, чтобъ не обжечься,
И въ море угодилъ, гдѣ утопаю.
Я Юліи письма отцу не выдалъ,
Боясь, что онъ любовь мою осудитъ;
Но изъ моихъ отвѣтовъ злополучныхъ
Построилъ онъ преграду для любви.
О, какъ весна любви моей походитъ
На перемѣнчивый апрѣльскій день:
Все такъ свѣтло — вдругъ облако находитъ
И меркнетъ все; на всѣй природѣ — тѣнь.

Входитъ Пантино.

Пантино.

Синьоръ Протей, васъ батюшка зоветъ;
Прошу васъ, торопитесь: онъ спѣшитъ.

Протей.

О, покорися, сердце! но въ отвѣтъ
Твердитъ оно безъ устали: нѣтъ, нѣтъ!

(Уходитъ.)

16

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Миланъ. Комната во дворцѣ герцога.

СЦЕНА I.

Входятъ Валентинъ и Спидъ.

Спидъ.

Синьоръ, перчатка ваша?

Валентинъ.

Не моя:

Мои при мнѣ.

Спидъ.

Взгляните хорошенько.

Валентинъ.

А покажи-ка. Да, она моя.

О, дивная! божественный предметъ

Объемлешь ты! О, Сильвія!

Спидъ. Синьора Сильвія! синьора Сильвія!

Валентинъ. Чего ты кричишь, дуракъ?

Спидъ. Да ея не докличешься.

Валентинъ. Да кто же тебѣ приказалъ ее кликать?

Спидъ. Вы сами, синьоръ; или я ослышался.

Валентинъ. Ты всегда черезчуръ торопливъ.

Спидъ. А намедни вы бранили меня за мѣшкотность.

Валентинъ. Довольно. Скажи, знаешь ты синьору Сильвію?

Спидъ. Это та, которую вы любите, синьоръ?

Валентинъ. Да тебѣ кто сказалъ, что я ее люблю?

Спидъ. Я узналъ это по особеннымъ примѣтамъ. Во-первыхъ, вы выучились, какъ синьоръ Протей, ломать себѣ руки, будто вѣчно чѣмъ-то недовольны; пѣть любовныя пѣсни, точно снигирь; искать уединенія, какъ зачумленный; вздыхать, какъ школьникъ, потерявшій азбуку; хныкать, какъ дѣвочка,

17

схоронившая бабушку; поститься, какъ больной, посаженный на діету; бодрствовать, какъ бѣднякъ, боящійся, что его обокрадутъ; клянчить, какъ нищій въ праздникъ Всѣхъ Святыхъ. Прежде вы смѣялись громче горластаго пѣтуха; выступали, точно левъ, постились только сейчасъ послѣ обѣда, и грустили только тогда, когда у васъ не было денегъ. А теперь ваша возлюбленная такъ преобразила васъ, что я часто гляжу и не узнаю моего господина.

Валентинъ. И это все ты во мнѣ замѣтилъ?

Спидъ. Да все это замѣтно помимо васъ.

Валентинъ. Какъ — помимо меня? Это невозможно.

Спидъ. Помимо васъ — это вѣрно: кто помимо васъ будетъ такъ простоватъ? Да никто. Вы до того внѣ себя отъ этихъ сумасбродствъ, что они въ васъ поселились и просвѣчиваютъ, какъ моча въ стаканѣ, такъ что всякій, кто только на васъ ни взглянетъ, сейчасъ же, точно докторъ, пойметъ вашу болѣзнь.

Валентинъ. Однако, знаешь ли ты, въ самомъ дѣлѣ, синьору Сильвію?

Спидъ. Ту, на которую вы вѣчно пялите глаза за ужиномъ?

Валентинъ. Такъ и это ты замѣтилъ? Да, ее.

Спидъ. Нѣтъ, не знаю, синьоръ.

Валентинъ. Какъ — замѣтилъ, что я не свожу съ нея глазъ — и не знаешь?

Спидъ. Да это не она ли, такая нелюбезная?

Валентинъ. Напротивъ, она еще болѣе любезна, чѣмъ прекрасна.

Спидъ. А, понимаю.

Валентинъ. А что ты понимаешь?

Спидъ. Что она не такъ хороша, какъ вамъ любезна.

Валентинъ. Ты не понялъ. Я говорю: ея красота верхъ совершенства, а любезность безцѣнна.

Спидъ. Потому что первая поддѣльна, а вторая ничего не стоитъ.

Валентинъ. Какъ поддѣльна? какъ ничего не стоитъ?

Спидъ. Да такъ, синьоръ: она такъ наштукатурена, что никто не можетъ оцѣнить ея красоты.

Валентинъ. За кого же ты меня считаешь? Я умѣю цѣнить ея красоту.

Спидъ. Да вѣдь вы не видали ея съ тѣхъ поръ, какъ она подурнѣла.

Валентинъ. А съ какихъ поръ она подурнѣла?

Спидъ. Да съ тѣхъ, синьоръ, какъ вы въ нее влюбились.

Валентинъ. Я полюбилъ ее съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ, и до сихъ поръ она прекрасна въ моихъ глазахъ.

Спидъ. Да если вы любите, то не можете видѣть ее.

Валентинъ. Это почему?

Спидъ. А потому, что любовь слѣпа. О, еслибъ вамъ да мои глаза, или хоть ваши, но съ тою пронизательностью, какую они имѣли, когда вы, помните, бранили синьора Протей, за то, что онъ разгуливаетъ безъ подвязокъ!

Валентинъ. Что же бы я тогда увидѣлъ?

Спидъ. Свое настоящее сумасбродство и ея страшное безобразіе.

Синьоръ Протей, когда влюбился, забывалъ надѣвать подвязки, а вы, влюбившись, забываете и панталоны.

Валентинъ. Такъ, стало быть, и ты влюбленъ, потому что вчера забылъ вычистить мнѣ башмаки?

Спидъ. Правда, синьоръ, я былъ влюбленъ въ мою постель, и очень вамъ благодаренъ, что вы вздули меня за эту любовь, это даетъ мнѣ смѣлость журить васъ за вашу.

Валентинъ. Въ заключеніе — я ею очарованъ.

Спидъ. Въ заключеніе — вамъ бы нужно было разочароваться.

Валентинъ. Вчера вечеромъ она поручила мнѣ написать стихи къ одному лицу, будто бы ей милому.

Спидъ. Ну, а вы?

Валентинъ. Написаль.

Спидъ. А стихи не хромые?

Валентинъ. Напротивъ, написалъ какъ только могъ лучше. Молчи!

Вотъ она.

Спидъ (*про себя*). Что за кукольная комедія! О, прекрасная куколка! она заставляетъ его подсказывать себѣ.

Входитъ Сильвія.

Валентинъ. Синьора и повелительница, желаю вамъ тысячу добрыхъ утръ!

Спидъ (*про себя*). И добрый вечеръ въ придачу, и миллионъ комплиментовъ.

Сильвія (Валентину).

А вамъ двѣ тысячи, синьоръ служитель!

Спидъ (про себя).

Проценты бы ему платить, не ей.

Валентинъ.

Какъ приказали вы, я написалъ.

18

Письмо от васъ къ неназванному другу;

Хоть я над ним трудился неохотно,

Но долгъ служенья мнѣ повелѣвалъ.

Сильвія.

Благодарю васъ, благородный рыцарь:

Прекрасная работа...

Валентинъ.

Но, повѣрьте,

Она досталась мнѣ съ большимъ трудомъ:

Не вѣдая, къ кому оно пойдетъ,

Я наобумъ писалъ и наудачу.

Сильвія.

Вы тяготились, можетъ быть трудомъ?

Валентинъ.

О, нѣтъ, синьора! Если вамъ угодно,

Я напишу хоть тысячу подобныхъ,

А все-таки...

Сильвія.

Періодъ хоть куда;

И я сама скажу вамъ заключенье:

И *все-таки* зачѣмъ? и *все-таки* не стоитъ,

И *все-таки* письмо назадъ возьмите,

И *все-таки* васъ утруждать не стану.

Спидъ (про себя).

И буду все-таки, и все-таки опять.

Валентинъ.

Синьора, вамъ не нравится оно?

Сильвія.

О, нѣтъ! стихи написаны прекрасно,
Но нехотя — итакъ, назадъ возьмите;
Возьмите же!

Валентинъ.

Они для васъ, синьора!

Сильвія.

Да, я просила васъ ихъ написать,
Но мнѣ не нужно ихъ — они для васъ;
Я съ большимъ бы ихъ чувствомъ написала.

Валентинъ.

Я вамъ другое напишу, синьора,
Лишь прикажите.

Сильвія.

И потомъ прочтите

Его одни. Понравится оно —
Такъ хорошо, а нѣтъ — такъ все равно.

Валентинъ.

А какъ понравится, то что жъ тогда?

Сильвія.

Тогда за трудъ себѣ его возьмите.
Но до свиданія, синьоръ служитель!

(Уходитъ).

Спидъ.

Престранная вещь эти скрытыя шашни,
Какъ носъ на лицѣ, или флюгеръ на башнѣ!
За нею онъ вьется, она его учитъ,
Пока онъ наставника съ ней не разучить.
Вотъ штука! О лучшей никто не услышитъ!
Онъ самъ къ себѣ письма, какъ писарь, все пишетъ.

Валентинъ. О чемъ ты тамъ разсуждаешь?

Спидъ. Я плету вирши, синьоръ; вотъ вамъ такъ надобно
поразсудить.

Валентинъ. О чемъ?

Спидъ. Да о томъ, что вы ходатайствуете за синьору Сильвію.

Валентинъ. Передъ кѣмъ же?

Спидъ. Предъ самимъ собою. Она объяснилась съ вами аллегоріей?

Валентинъ. Какъ аллегоріей?

Спидъ. Иначе сказать — письмомъ.

Валентинъ. Да, вѣдь, она не писала ко мнѣ.

Спидъ. И не нужно: она васъ заставила писать къ себѣ. И вы не
поняли шутки?

Валентинъ. Признаюсь, нѣтъ.

Спидъ. Не поняли шутки и не поняли, въ чемъ дѣло?

Валентинъ. Я понялъ только гнѣвное слово.

Спидъ. Вѣдь, она отдала вамъ письмо.

Валентинъ. Но оно написано къ ея другу.

Спидъ. И это письмо она вручила вамъ — поняли?

Валентинъ. Желалъ бы, чтобъ было такъ!

Спидъ. Ручаюсь въ этомъ, такъ какъ иначе и быть не можетъ.

Вы часто ужъ писали къ ней; однако изъ стыдливости

Она не отвѣчала вамъ, а можетъ, изъ трусливости:

Боялась, чтобы посланный ей тутъ не измѣнилъ;

Ей мысль заставить васъ писать къ себѣ Амуръ внушилъ.

Я говорю, какъ книга, потому что вычиталъ это изъ книги. О чемъ задумались, синьоръ? Пора обѣдать.

Валентинъ. Я ужъ обѣдалъ.

19

Спидъ. Послушайте, синьоръ, хотя любовь — хамелеонъ и питается воздухомъ, но я одно изъ тѣхъ существъ, которыя питаются пищею — и потому охотно бы перекусилъ. Не будьте же такъ суровы, какъ ваша возлюбленная: троньтесь, троньтесь моей мольбою! (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Верона. Комната въ домѣ Юліи.

Входятъ Протей и Юлія.

Протей.

Имѣй терпѣнье, Юлія моя!

Юлія.

Должна имѣть: другого средства нѣтъ.

Протей.

Я возвращусь, какъ только будетъ можно.

Юлія.

Не увлечешься — такъ вернешься скоро.

Возьми вотъ это отъ меня на память.

(*Даетъ ему кольцо*).

Протей.

Мы обмѣняемся — возьми мое.

Юлія.

И поцѣлуемъ договоръ скрѣпимъ.

Протей.

И вотъ моя рука тебѣ на вѣрность.

И если въ днѣ хоть часть одинъ пройдетъ,
Въ который я о Юліи не вспомню,
Пусть въ слѣдующій часть меня постигнетъ
Мученье за забывчивость въ любви.
Но ждетъ меня отецъ. Не отвѣчай!
Пора ужъ въ путь, но не пора для слезъ:
Онѣ меня заставятъ опоздать.
Прощай же, Юлія! (*Юлія уходитъ*).

Какъ? вышла молча?

Да, — чувство сильное не знаетъ словъ,
А вѣрность украшается дѣлами.

Входитъ Пантино.

Пантино.

Васъ ждуть, синьоръ,

Протей.

Иду. Ступай. Увы,

Слова любви немѣютъ при разлукѣ!

(*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Тамъ же. Улица.

Входитъ Лаунсъ съ собакой.

Лаунсъ. Нѣтъ, я и въ часъ не наплачусь вдоволь. Вся порода Лаунсовъ имѣетъ этотъ порокъ: я получилъ мое наслѣдство, какъ блудный сынъ — и отправляюсь съ синьоромъ Протеемъ ко двору императора. Но Краббъ, моя собака, я полагаю, самая жестокосерднѣйшая изъ собакъ на землѣ. Матушка плачетъ, отецъ рыдаетъ, сестра рюмитъ, работница реветъ, кошка ломаетъ руки, весь домъ въ страшномъ горѣ, а этотъ жестокосердный песъ хоть бы слезинку выронилъ. Онъ просто камень — настоящій булыжникъ и любви къ ближнему въ немъ меньше, чѣмъ въ собакѣ. Жидъ бы расплакался, увидя наше разставанье; даже моя слѣпая бабушка — и та всѣ глаза себѣ выплакала, отправляя меня въ путь-дорогу. Да вотъ я сейчасъ вамъ представлю, какъ было дѣло. Этотъ башмакъ будетъ батюшка; нѣтъ, вотъ лѣвый башмакъ пусть будетъ батюшка; нѣтъ, пусть матушка будетъ лѣвый башмакъ; нѣтъ, не такъ; или такъ... да, такъ: у него подошва похуже. И такъ, этотъ башмакъ съ дырою — моя матушка, а этотъ — батюшка. Теперь такъ, совершенно такъ; ну а палка пусть будетъ моя сестра — видите ли, она бѣла, какъ лилія, и тонка, какъ жердь; эта шапка — Нэнъ, наша работница, а я — собака; нѣтъ собакой будетъ она сама. Да, я буду — собака; или нѣтъ — собака будетъ я, а я — я буду самъ.

Да, такъ, совершенно вѣрно. Вотъ я и подхожу къ батюшкѣ: «батюшка, батюшка, благословите!» Вотъ башмакъ не можетъ словечка вымолвить отъ слезъ; вотъ я его цѣлую, а онъ такъ и заливаётся. Теперь подхожу къ матушкѣ. О, еслибъ этотъ башмакъ могъ говорить, какъ обезумѣвшая женщина! Вотъ я ее цѣлую — вотъ такъ. Вотъ мать моя совсѣмъ задыхается. Теперь — къ сестрѣ. Слышите, какъ она рыдаетъ? А этотъ безчувственный пёсъ во все время не проронилъ слезинки и не вымолвилъ слова, тогда какъ я — видите, я прибываю пыль моими слезами?

Входитъ Пантино.

Пантино. Ступай, бѣги, Лаунсъ. Твой господинъ ужъ на кораблѣ — тебѣ придется догонять его въ лодкѣ. Что съ тобою? О чемъ плачешь, парень? Ступай, осель; не то потеряешь...

20

Лаунсъ. Не бѣда, если его и потеряю; безчувственнѣе его я не встрѣчалъ.

Пантино. Безчувственнѣе кого?

Лаунсъ. Да вотъ Крабба, моего пса.

Пантино. Болванъ, я хотѣлъ сказать, что потеряешь приливъ, а потерявъ приливъ, потеряешь возможность поѣхать, а потерявъ возможность поѣхать, потеряешь господина, а потерявъ господина, потеряешь мѣсто. Да что ты мнѣ зажимаешь ротъ?

Лаунсъ. Боюсь, чтобъ ты не потерялъ языкъ.

Пантино. Да какъ же я могу потерять его?

Лаунсъ. Болтая чепуху.

Пантино. Какая же это чепуха?

Лаунсъ. Будто я прозѣваю приливъ, господина и мѣсто. Приливъ? Да знаешь ли ты, если рѣка высохнетъ, я наполню ее моими слезами; если спадеть вѣтеръ, я стану надувать паруса моими вздохами.

Пантино. Да ступай же, болванъ: меня прислали звать тебя.

Лаунсъ. Посмотримъ, какъ ты меня назовешь.

Пантино. Да пойдешь ли ты, наконецъ?

Лаунсъ. Такъ и быть, пойду. (*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Миланъ. Зала во дворцѣ герцога.

Входятъ Валентинъ, Сильвія, Туріо и Спидъ.

Сильвія. Служитель!

Валентинъ. Госпожа?

21

Спидъ. Баринъ, синьоръ Туріо на васъ косится.

Валентинъ. Это отъ любви.

Спидъ. Но не къ вамъ.

Валентинъ. Такъ къ синьорѣ.

Спидъ. Хорошо бы вамъ его отдуть.

Сильвія. Служитель, вы грустны?

Валентинъ. Да, кажется, грустенъ, синьора.

Туріо. Такъ вы только кажетесь грустнымъ.

Валентинъ. Можетъ-быть.

Туріо. Слѣдовательно, вы только прикидываетесь.

Валентинъ. Такъ же, какъ и вы.

Туріо. Чѣмъ, позвольте узнать?

Валентинъ. Умнымъ.

Туріо. Чѣмъ вы это докажете?

Валентинъ. Вашею глупостью.

Туріо. Въ чѣмъ же вы замѣтили мою глупость?

Валентинъ. Въ вашей курткѣ.

Туріо. Она на мнѣ двойная.

Валентинъ. Такъ и вы вдвойнѣ глупы.

Туріо. Что вы сказали?

Сильвія. Какъ — вы сердитесь, синьоръ Туріо? измѣняетесь въ лицѣ?

Валентинъ. Пусть его, синьора: онъ принадлежитъ къ породѣ хамелеоновъ.

Туріо. И притомъ такихъ, которымъ нужна ваша кровь, а не ваше общество.

Валентинъ. Вы сказали, синьоръ?

Туріо. Сказалъ, синьоръ — и кончено!

Валентинъ. Знаю, знаю, синьоръ: вы всегда кончаете прежде, чѣмъ начнете.

Сильвія. Да это настоящая перестрѣлка словами, синьоры: просто — бѣглый огонь!

Валентинъ. Вы правы, синьора. Спасибо тому, кто намъ далъ его.

Сильвія. Кто же это?

Валентинъ. Вы сами, синьора. Синьоръ Туріо заимствуетъ свое остроуміе изъ вашихъ свѣтлыхъ взоровъ и потомъ любезно расточаетъ его въ вашемъ обществѣ.

Туріо. Если вы будете тягаться со мною слово за слово, я какъ-разъ заставлю обанкрутиться ваше остроуміе.

Валентинъ. Знаю, синьоръ, что вы богаты словами, и, вѣроятно, только ими платите своей прислугѣ, если судить по ея потертой ливреѣ.

Сильвія. Довольно, синьоры, довольно, сюда идетъ отецъ мой.

Входитъ герцогъ.

Герцогъ.

Э, Сильвія, ты въ правильной осадѣ!

(Къ Валентину).

Синьоръ, вашъ батюшка вполнѣ здоровъ.
Что скажете на письма отъ своихъ,
Когда я вамъ доставлю ихъ — на письма
Съ пріятными вѣстями?

Валентинъ.

Благодарность

Моя вамъ, герцогъ, за такую вѣсть.

Герцогъ.

Знакомъ вамъ донъ-Антоніо, землякъ вашъ?

Валентинъ.

Да, герцогъ, онъ знакомъ мнѣ коротко,
Какъ человѣкъ, достойный уваженья —
И свой почетъ вполнѣ онъ заслужилъ.

Герцогъ.

Онъ, кажется, синьоръ, имѣетъ сына?

Валентинъ.

И этотъ сынъ достойнѣйшій наслѣдникъ
Отцовскаго почета и значенья.

Герцогъ.

Такъ вы давно и близко съ нимъ знакомы?

Валентинъ.

Его я знаю такъ же, какъ себя;
Мы, какъ друзья, воспитывались вмѣстѣ.
Я былъ тогда порядочный повѣса,
И слишкомъ мало обращалъ вниманья
На усвоеніе разныхъ совершенствъ;
Протей же — такъ зовутъ его — старался
Все дѣльное усвоить съ раннихъ лѣтъ.
Годами молодъ онъ, но старъ развитьемъ
И зрѣлостью обдуманнхъ сужденій;
Ну, словомъ — такъ какъ похвалы мои
Далеко ниже всѣхъ его достоинствъ —
Онъ образецъ наружностью, умомъ,
И всѣмъ богатъ, что красить дворянина.

Герцогъ.

Да, если онъ дѣйствительно таковъ —
Достоинъ онъ любви императрицы
И чести быть въ совѣтѣ государя.
Такъ видите-ль, онъ съ письмами ко мнѣ
Отъ лицъ весьма значительныхъ явился
И думаетъ здѣсь погостить недолго.
Надѣюсь, эта новость вамъ пріятна.

Валентинъ.

Мнѣ ничего желать не остается.

Герцогъ.

Примите же, какъ слѣдуетъ, его —
Ты, Сильвія, а также вы, синьоръ;

22

Васъ, Валентинъ, просить о томъ не нужно.

Я къ вамъ его немедленно пришлю.

(Уходитъ).

Валентинъ.

Я вамъ ужъ говорилъ о немъ, синьора.

Со мной бы онъ пріѣхалъ, но глазами

Прикованъ былъ къ возлюбленной своей.

Сильвія.

Но, кажется, теперь глаза свободны,

Иль, можетъ-быть, онъ далъ залогъ другой.

Валентинъ.

О, нѣтъ! они еще въ плѣну остались.

Сильвія.

Тогда слѣпымъ онъ былъ бы, а слѣпой

Не могъ бы къ вамъ, синьоръ, найти дорогу.

Валентинъ.

Любовь имѣетъ сорокъ глазъ, синьора.

Туріо.

Напротивъ, говорятъ, она безъ глазъ.

Валентинъ.

Да, для такихъ поклонниковъ, какъ вы;

Но ясно видитъ тѣхъ, кто ей пріятень.

Сильвія.

Довольно спорить! Вотъ и нашъ пріѣзжій.

Входитъ Протей.

Валентинъ.

Ахъ, здравствуй, другъ Протей! Прошу, синьора,

Васъ подтвердить привѣтъ мой словомъ ласки.

Сильвія.

Онъ самъ увидитъ, что ему здѣсь рады,

Когда онъ тотъ, о комъ вы такъ скучали.

Валентинъ.

Да, это онъ, синьора! О, позвольте

Ему служить вамъ наравнѣ со мной!

Сильвія.

Но я слуги такого недостойна.

Протей.

О, нѣтъ, синьора — недостойнъ онъ

Быть на глазахъ синьоры, столь достойной!

Валентинъ.

Пусть недостойность будетъ въ сторонѣ;
Ему позвольте вамъ служить, синьора.

Протей.

Гордиться буду преданностью вамъ.

Сильвія.

А преданность всегда награды стоитъ,
Служитель, вамъ привѣтъ отъ госпожи,
Васъ недостойной.

Валентинъ.

О, я всякаго убилъ бы,
Кто мнѣ сказалъ бы это, кромѣ васъ!

Сильвія.

Что вамъ привѣтъ?

Протей.

Нѣтъ, что вы недостойны.

Входитъ слуга.

Слуга.

Синьора, герцогъ видѣтъ васъ желаетъ.

Сильвія.

Сейчасъ. *(Слуга уходитъ. Къ Туріо).*

Синьоръ, прошу васъ проводите
Меня къ отцу. Вамъ, новый мой служитель,
Еще привѣтъ. Мы оставляемъ васъ
Поговорить о родинѣ, о близкихъ;
Затѣмъ надѣюсь видѣтъ васъ опять.

Протей.

И онъ, и я готовы вамъ служить.

(Сильвія, Туріо и Спидъ уходятъ).

Валентинъ.

Ну, расскажи жъ какъ всѣ тамъ поживаютъ?

Протей.

Здоровы всѣ и шлютъ тебѣ поклоны.

Валентинъ.

Ну, а твои какъ?

Протей.

Были всѣ здоровы.

Валентинъ.

Что Юлія, и что твоя любовь?

Протей.

Всегда скучалъ ты отъ такихъ рассказовъ;
Я знаю, ты до нихъ, вѣдь, не охотникъ.

Валентинъ.

Да, *былъ*, Протей, но все перемѣнилось!

Наказанъ я, что прѣзиралъ любовь;

23

Теперь она меня поработила
Душевною мукой, тягостнымъ постомъ,
Слезами ночью, вздохами весь день.
Да, за мое презрѣнье отомщая,
Она лишила сна мои глаза
И сдѣлала ихъ стражами тоски.
О, дорогой Протей! Амуръ всеиленъ;
Онъ подчинилъ меня — и сознаюсь,
Нѣтъ горя равнаго его оковамъ,
Нѣтъ счастья выше, чѣмъ ему служить.
Лишь о любви могу я говорить;
Одно ея названье замѣняютъ
Мнѣ завтракъ мой, обѣдъ и сонъ, и ужинъ.

Протей.

Довольно; по глазамъ я вижу счастье,
Не эта ли — кумиръ твоей души?

Валентинъ.

Она, она! Не ангелъ ли небесный?

Протей.

Нѣтъ, красота ея вполнѣ земная.

Валентинъ.

Небесная вполнѣ!

Протей.

Зачѣмъ ей льстить?

Валентинъ.

Польсти хоть мнѣ: хвала — любви отрада.

Протей.

Меня лѣчилъ ты горькою микстурой,
Теперь я тѣмъ же потчую тебя.

Валентинъ.

Такъ правду говори. Не божество,
Но первая она межъ женщинъ въ мірѣ,
И всѣхъ земныхъ созданій превосходитъ.

Протей.

Всѣхъ, кромѣ Юліи.

Валентинъ.

Безъ исключеній!

Не то — мою любовь ты оскорбишь.

Протей.

Но правъ и я, мою предпочитаю.

Валентинъ.

Я помогу тебѣ ее возвысить:

Ее высокой чести удостоимъ
Мы — шлейфъ носить возлюбленной моей,
Чтобъ грубая земля не возгодилась,
Облобызавъ края ея одежды,
И, въ пищѣ отказавъ цвѣтамъ душистымъ,
Осталася подъ вѣчной зимой.

Протей.

Мой другъ, къ чему напыщенность такая?

Валентинъ.

Прости, Протей: предъ нею все — ничто,
И рядомъ съ ней всѣ совершенства блекнутъ:
Она одна!

Протей.

Такъ пусть одной и будетъ.

Валентинъ.

Нѣтъ, ни за цѣлый міръ! Она моя!
Я съ ней богаче двадцати морей,
Когда бъ пески ихъ въ жемчугъ превратились,
Утесы — въ золото, а воды — въ нектаръ.
Прости же мнѣ, что я тебя забылъ:
Ты видишь, я дышу одной любовью.
Соперникъ мой, глупецъ, очаровавший
Ея отца обширностью владѣній,
Пошелъ отсюда съ нею; я за ними:
Любовь, ты знаешь, ревности полна.

Протей.

Но ты любимъ?

Валентинъ.

Да, мы ужъ обручились;

Назначенъ даже самый день вѣнчанья;
Условились и въ средствахъ для побѣга:
Обдумали, какъ я взберусь въ окно
По лѣстницѣ веревочной; ну, словомъ,
Готово все для моего блаженства.
Пойдемъ со мною въ комнату мою:
Я знаю, ты поможешь мнѣ совѣтомъ.

Протей.

Ступай впередъ — я отыщу тебя;
Теперь отправлюсь въ гавань, чтобы тамъ
Лишь о моихъ вещахъ распорядиться;
Потомъ приду немедленно къ тебѣ.

Валентинъ.

Такъ поспѣши же.

Протей.

Да, потороплюсь.

(*Валентинъ уходитъ*).

Какъ пылъ одинъ другой уничтожаетъ,
Какъ выбиваютъ клиномъ клинъ другой —

24

Такъ память чувства прежняго во мнѣ
Померкла вдругъ предъ новымъ впечатлѣньемъ.
Мои ль глаза, хвалы ли Валентина,
Ея ли красота, моя ли лживость
Къ безумнымъ помысламъ меня влекутъ?
Она прекрасна; Юлія не хуже,
Но къ ней моя растаяла любовь,
Какъ предъ огнемъ статуя восковая
Теряетъ прежній образъ понемногу.
И вмѣстѣ охладѣлъ я къ Валентину.
Я больше не люблю его, какъ прежде;
Но, ахъ, зато люблю его невѣсту!
И это мнѣ любить его мѣшаетъ.
О, какъ ее любить я буду послѣ,
Когда теперь, безумный, такъ люблю!
Лишь внѣшнія ея черты я видѣлъ,
И ужъ онѣ мой разумъ помрачили;
Но если всѣ увижу совершенства,
Я сдѣлаюсь безумнымъ, иль ослѣпну.
Коль страсть мою я подавить смогу,
То подавлю; не то — на все пойду!

(*Уходитъ*).

СЦЕНА V.

Тамъ же. Улица.

Входятъ Спидъ и Лаунсъ.

Спидъ. Лаунсъ, клянусь моей честью, ты желанный гость въ Миланѣ!

Лаунсъ. Не клянись ложно: я вовсе не желанный гость. Я всегда говорю, что человѣкъ никогда не пропадетъ, пока не повѣшенъ, и никогда не будетъ желаннымъ, пока не заплатитъ счета, и хозяйка не скажетъ ему: «милости просимъ».

Спидъ. Ахъ, ты дура-голова! пойдѣмъ-ка лучше въ кабакъ: тамъ за пять пенсовъ ты услышишь пять тысячъ «милости просимъ». Ну, какъ же

разстался твой господинъ съ синьорой Юліей?

Лаунсъ. Сошлись-то серьезно, а разошлись шутя.

Спидъ. Но женится ли онъ на ней?

Лаунсъ. Нѣтъ.

Спидъ. Значить, она за него пойдетъ?

Лаунсъ. Опять-таки нѣтъ.

Спидъ. Стало-быть у нихъ разрывъ?

Лаунсъ. И этого нѣтъ; оба цѣлы, какъ рыбы.

Спидъ. Такъ въ чемъ же дѣло, наконецъ?

Лаунсъ. Да ни въ чемъ; если ей хорошо, такъ и ему не хуже.

Спидъ. Вотъ осель! Я ничего не возьму въ толкъ.

Лаунсъ. Вотъ чурбанъ безтолковый! У меня и палка съ толкомъ.

Спидъ. Что ты тамъ мелешь?

Лаунсъ. Чего молоть-то? Вотъ упрусь въ тебя и толкну.

Спидъ. То толканье, дуралей, а не толкъ.

Лаунсъ. Толканье ли, толкъ ли — все едино. Не въ словѣ дѣло.

Спидъ. Да говори же, какъ слѣдуетъ — будетъ свадьба?

Лаунсъ. Спроси вотъ у моей собаки; скажетъ «да» — такъ будетъ; «нѣтъ» — такъ не будетъ; а не скажетъ ничего и хвостомъ завиляетъ — опять-таки будетъ.

Спидъ. Слѣдовательно — будетъ.

Лаунсъ. О такихъ тайнахъ я говорю только иносказательно.

Спидъ. Говори, какъ хочешь, только понятно. А что скажешь, Лаунсъ — вѣдь и мой господинъ отъ любви-то ошалѣлъ.

Лаунсъ. Я всегда зналъ его такимъ.

Спидъ. Какимъ?

Лаунсъ. Шальнымъ, какъ ты назвалъ его самъ.

Спидъ. Вотъ осель! Опять меня не понялъ.

Лаунсъ. Да я говорю не про тебя, а про твоего господина.

Спидъ. Я тебѣ говорю, что господинъ мой сгораетъ отъ любви.

Лаунсъ. А мнѣ что за дѣло? пусть его сгораетъ! Вотъ, если хочешь завернуть со мною въ кабакъ, такъ ладно, а нѣтъ, такъ будешь евреемъ, жидомъ, недостойнымъ названія христіанина.

Спидъ. А почему?

Лаунсъ. Да потому, что въ тебѣ и на столько нѣтъ любви къ ближнему, чтобъ зайти съ христіаниномъ въ кабакъ. Пойдешь, что-ли?

Спидъ. Идемъ, идемъ. (*Уходятъ*).

СЦЕНА VI.

Тамъ же. Комната во дворцѣ.

Протей.

И Юлію оставить — вѣроломство,
И Сильвію любить мнѣ — вѣроломство,
Измѣна жь другу — хуже вѣроломства.
И сила та, которою я клялся,
Влечетъ меня къ тройному вѣроломству:
И клятва, и измѣна — отъ любви.
О дивно-вдохновительная страсть!

26

Я согрѣшилъ, тобою соблазненный,
Такъ научи-же чѣмъ мнѣ оправдаться!
Сначала я боготворилъ звѣзду,
Теперь молюсь блистательному солнцу.
Подумавъ, мы нарушить можемъ клятву
Безумную — и глупь, кто не стремится
На лучшее дурное обмѣнять.
Стыдись, языкъ! Ее-ль назвать дурною,
Которой власть ты признавалъ такъ часто
И легионы клятвъ ей расточалъ?
Я разлюбить не въ силахъ — и однако
Тамъ разлюбилъ я, гдѣ любить бы долженъ:
Отвергъ я Юлію и Валентина;
Ихъ сохранивъ, себя отвергну я,
А потерявъ ихъ, я найду замѣнъ
Себя — за друга, Сильвію — за Юлью.
Я самъ себѣ дороже Валентина:
Любовь во всемъ всегда себялюбива.
Предъ Сильвіей — тому свидѣтель небо,
Создавшее ее — та негритянка.
Забуду я, что Юлія жива,
Но буду помнить, что угасло чувство.
Врага я буду видѣть въ Валентинѣ,
Надѣясь друга въ Сильвіи найти.
Теперь я не могу остаться вѣрнымъ
Себѣ, не измѣняя Валентину.
Онъ въ эту ночь въ окно ея забраться
По лѣстницѣ веревочной задумалъ —
И мнѣ, сопернику, онъ ввѣрилъ тайну.
Я тотчасъ расскажу ея отцу
О тайнѣ ихъ и о ночномъ побѣгѣ —
И въ гнѣвѣ онъ изгонитъ Валентина.
А безъ него я хитростью разстрою

Искусно планы Туріо глупца.
Дай крылья мнѣ осуществитъ мечты,
Любовь: вѣдь планъ мой мнѣ внушила ты.
(Уходитъ).

СЦЕНА VII.

Верона. Комната въ домѣ Юліи.

Входятъ Юлія и Лючетта.

Юлія.

Ахъ, посовѣтуй, помоги, Лючетта!
Любовью заклинаю я тебя —
Ты тотъ листокъ, гдѣ всѣ мои желанья
Записаны и вырѣзаны ясно —
Наставь меня теперь, придумай средство,
Чтобъ я могла, не возбуждая толковъ,
Увидѣться съ Протеемъ дорогимъ.

Лючетта.

Но путь къ нему и длинень, и тяжелъ.

Юлія.

Не устаешь же въ рвеніи пилигримъ,
Пройдя посвѣта слабыми ногами.
Не утомлюсь и я, летя на крыльяхъ
Любви къ тому, кого люблю такъ нѣжно,
К прекрасному, безцѣнному Протею.

Лючетта.

Дождитесь лучше, чтобъ онъ самъ вернулся.

Юлія.

Ты знаешь, взоръ его мнѣ пищей былъ.
Тебѣ не жаль, что я должна поститься,
Лишенная той пищи такъ давно.
О, если бъ знала ты всю силу страсти,
То лучше бъ снѣгомъ стала раздувать
Огонь, чѣмъ пылъ любви тушить словами.

Лючетта.

Я вовсе не хочу его тушить,
Но лишь умѣрить жаръ, чтобъ за предѣлъ
Благоразумія онъ вдругъ не вышелъ,

Юлія.

Чѣмъ больше гасишь, тѣмъ сильнѣй горитъ онъ!
И тихій ручеекъ, когда преграду

Себѣ найдетъ, неистово кипить;
А если нѣтъ преградъ его теченью,
Гармоніей звучить по гладкимъ камнямъ
И ласково лобзаетъ онъ осоку,
Которую встрѣчаетъ на пути.
Такъ мчится онъ, по нивамъ извиваясь
И весело играя, въ океанъ.
Оставь же и меня въ моемъ теченьи.
Я терпѣлива буду, какъ ручей;
И каждый трудный шагъ сочту отрадой,
Пока съ послѣднимъ къ милому приближусь;
Тамъ отдохну я послѣ тревоженій,
Подобно праведной душѣ въ раю.

Лючетта.

Въ какомъ же платьѣ вы хотите ѣхать?

Юлія.

Не въ женскомъ только: этимъ я избавлюсь
Отъ приставаній всѣхъ гулякъ распутныхъ.
Достань мнѣ платье, милая Лючетта,
Въ какое одѣваются пажы.

Лючетта.

Такъ вы должны и волосы обрѣзать.

Юлія.

Нѣтъ, милая, я подвяжу ихъ снизу,
А сверху двадцать бантовъ приколю:
Такой уборъ не будетъ страненъ даже
На юношѣ и старѣе меня.

Лючетта.

Какой покрой для панталонъ, синьора?

Юлія.

Ахъ, какъ смѣшно! вотъ точно кто сказалъ бы:
«Какъ широко, синьоръ, пустить вамъ юбку?»
Мнѣ все равно — какой тебѣ по вкусу.

Лючетта.

Такъ спереди ужъ нуженъ бантъ, синьора.

Юлія.

Нѣтъ, нѣтъ, Лючетта, — это будетъ гадко.

Лючетта.

Штаны безъ банта ничего не стоятъ;
Вамъ нуженъ бантъ, чтобъ въ немъ носить булавки.

Юлія.

Лючетта, если любишь, постарайся,
Чтобъ было все со вкусомъ и прилично.

Но ты скажи — меня осудить свѣтъ
За то, что я въ такой пустилась путь?
Боюсь, чтобъ мнѣ позора не нажать.

Лючетта.

Бойтесь вы, такъ оставайтесь дома.

Юлія.

Нѣтъ, не хочу остаться.

Лючетта.

Такъ идите

И бросьте мысль о всякихъ пересудахъ.
Лишь былъ бы радъ Протей, что вы пришли,
Пусть осуждаетъ свѣтъ, что вы ушли;
Но самъ Протей едва ли радъ вамъ будетъ.

Юлія.

Объ этомъ я нисколько не забочусь:
Потоки слезъ, безчисленныя клятвы
И увѣренья въ вѣрности любви
Ручаются, что мнѣ онъ будетъ радъ.

Лючетта.

Но тѣ же средства служить и къ обману.

Юлія.

Да, людямъ низкимъ и для цѣли низкой;
Но онъ родился подъ созвѣздьемъ правды,
Его слова — обѣтъ, оракуль — клятва,
Любовь правдива, мысли безупречны,
А слезы — сердца вѣрнаго залогъ.
Онъ лжи далекъ, какъ небо отъ земли.

Лючетта.

Дай Богъ, чтобъ вы такимъ его нашли.

Юлія.

О, изъ любви ко мнѣ не оскорбляй
Его сомнѣньемъ въ вѣрности, Лючетта!
Лишь тотъ мнѣ милъ, кто любить и его.
Пойдемъ со мною въ комнату мою
Обдумать все, что нужно для дороги.
Все, все мое тебѣ я поручаю —
Имущество, владѣнія и честь;
Взамѣнь того меня лишь снаряди
Скорѣе въ путь. Пойдемъ, не возражай —
Я на себя за медленность сердита.

(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Миланъ. Комната во дворцѣ герцога.

СЦЕНА I.

Входятъ Герцогъ, Туріо и Протей.

Герцогъ (*къ Туріо*).

Синьоръ, прошу оставьте насъ вдвоемъ;
Поговорить намъ нужно съ глазу-на-глазь.

(Туріо уходитъ).

Такъ что же вы хотѣли мнѣ сказать?

Протей.

Свѣтлѣйшій герцогъ, я открыть вамъ долженъ
То, что велятъ скрывать законы дружбы;
Но ваша доброта и благосклонность
Ко мнѣ, хотя я ихъ и недостойнъ,
Мнѣ ставятъ долгомъ то вамъ сообщить,
Чего бъ не выдалъ ни за что на свѣтѣ.
Такъ знайте жъ, герцогъ: другъ мой Валентинъ
Задумалъ ночью вашу дочь похитить
И замыселъ мнѣ свой довѣрилъ самъ.
Я знаю, вы ее рѣшились выдать
За Туріо, хоть онъ ей не по сердцу —
И это бѣгство было бы жестокимъ
Ударомъ вамъ на склонѣ вашихъ дней.
Поэтому мнѣ долгъ велить скорѣе
Разстроить планы друга моего,
Чѣмъ, скрывши ихъ, на васъ обрушить горе,
Которое могло бы, наконецъ,
Свести васъ преждевременно въ могилу.

Герцогъ.

Протей, благодарю васъ за услугу,
Столь благородную. Пока я живъ,
Располагайте мной. Я самъ нерѣдко
Взаимную любовь ихъ подмѣчалъ,
Когда они меня считали спящимъ.
Я удалить рѣшился Валентина
Отъ моего двора и отъ нея.
Одна боязнь — увлечься подозрѣнемъ
И безъ вины обидѣть человѣка,

Чего всегда стараюсь избѣжать,
 Меня остановила. Впрочемъ, я
 Съ нимъ ласковъ былъ затѣмъ лишь, чтобъ узнать
 О томъ, что вы теперь мнѣ сообщили.
 Я знаю, какъ доступны увлеченьямъ

Такіе годы — потому отвелъ
 Ей спальню въ недоступной башнѣ,
 Которой ключъ держу я при себѣ.
 Увести ее оттуда невозможно.

Протей.

Но знайте, герцогъ: ими рѣшено,
 Что къ ней въ окно онъ влѣзетъ и оттуда
 Ее сведетъ по лѣстницѣ висячей.
 Теперь за ней пошелъ любовникъ юный,
 И съ нею онъ сейчасъ сюда придетъ.
 Вы можете его перехватить,
 Но, ради Бога, герцогъ, похитрѣ,
 Чтобъ не узналъ онъ о моей измѣнѣ:
 Не къ другу ненависть — почтенье къ вамъ
 Меня вамъ тайну выдать побудило.

Герцогъ.

Я честью вамъ клянусь — онъ не узнаетъ,
 Что хоть намекъ отъ васъ я получилъ.

Протей.

Прощайте, герцогъ — Валентинъ идетъ.

(Уходитъ).

Входитъ Валентинъ.

Герцогъ.

Куда вы такъ спѣшите, Валентинъ?

Валентинъ.

Свѣтлѣйшій герцогъ, ждетъ меня гонецъ:
 Моимъ роднымъ онъ письма доставляетъ,
 И ихъ-то я спѣшу ему вручить.

Герцогъ.

И письма важныя?

Валентинъ.

Свѣтлѣйшій герцогъ,

Я извѣщаю только, что здоровъ
 И жизнью при дворѣ у васъ доволенъ.

Герцогъ.

И только-то? Такъ я васъ на минуту
 Здѣсь задержу: мнѣ нужно вамъ сказать
 Кой-что о дѣлѣ, очень близкомъ мнѣ.

Вы знаете, что дочь мою я выдать
За Туріо желаю непременно?

В а л е н т и н ъ .

Я знаю это, герцогъ. Что жъ, союзъ
Богатый и почетный: онъ женихъ
Отличный, добрый и вполне достойный
Быть мужемъ вашей дочери прелестной.
Но, кажется, синьора не согласна?

Г е р ц о г ъ .

Въ томъ вся бѣда! Она горда, упряма,
Капризна, своевольна, непослушна,
Забыла, что она мое дитя,
И что надъ ней я власть отца имѣю.
И я готовъ сознаться — эта гордость
Къ ней всякую любовь во мнѣ убила.
Надѣялся я прежде, что подъ старость
Мнѣ будетъ утѣшеніемъ она;
Теперь же я рѣшился самъ жениться,
Ее же замужъ выдать поскорѣй.
Пусть красота ея приданымъ будетъ —
Вѣдь ей мои богатства нипочемъ.

В а л е н т и н ъ .

Но въ чемъ же я могу помочь вамъ, герцогъ?

Г е р ц о г ъ .

Въ Миланѣ есть, синьоръ, одна особа,
Въ которую влюбленъ я; но она
Горда и недоступна краснорѣчью
Сѣдого старика. Все дѣло въ томъ,
Что я давно отвыкъ отъ волокитства,
Притомъ и нравы ужъ не тѣ, что прежде;
Такъ за совѣтомъ обращаюсь къ вамъ:
Какъ поступать мнѣ, какъ себя вести,
Чтобы привлечь къ себѣ прелестной взоры?

В а л е н т и н ъ .

Пустите въ ходъ подарки, коль слова
Не дѣйствуютъ: нѣмая драгоцѣнность
На женскій умъ вліяетъ иногда
Сильнѣе краснорѣчья.

Г е р ц о г ъ .

Но она

Подарокъ мой съ презрѣньемъ отослала.

В а л е н т и н ъ .

Поверьте мнѣ, она его желала:
Отказъ ихъ часто равенъ поощренью.

Коль любите, не знайте утомленья —
Повергните другой къ ея стопамъ:
Разсердится — не изъ презрѣнья къ вамъ,
Но чтобъ сильнѣй вы ею дорожили;
Бранить — но не затѣмъ, чтобъ уходили
Вы отъ нея; уйдете — и тотчасъ
Сильнѣе будетъ гнѣвъ ея на васъ.
Ея речей понять старайтесь тонъ:
«Ступайте прочь» — еще не значить «вонь!»
Хвала и лестъ, восторги красотою
Всегда сильны надъ женскою душою,
И кто прельститъ словами ихъ не могъ,
Тому языкъ во рту его не въ прокъ.

30

Герцогъ.

Но дѣло въ томъ — ея родные прочатъ
За молодого знатнаго синьора;
Ее содержать въ строгомъ заключеньѣ
И нѣтъ мужчинѣ доступа къ ней днемъ.

Валентинъ.

Такъ доступъ къ ней я ночью бы нашель.

Герцогъ.

Но если дверь къ ней заперта, а ключъ
Припрятанъ, и войти къ ней невозможно?

Валентинъ.

Такъ что же? можно и въ окно взобраться.

Герцогъ.

Но слишкомъ отъ земли оно высоко,
А стѣны гладки такъ, что невозможно
Окна достигнуть, не рискуя жизнью.

Валентинъ.

Такъ изъ веревокъ лѣстница, съ двумя
Здоровыми крюками, взлѣзть поможетъ
На башню къ новой Геро, лишь бы смѣлый
Леандръ сумѣлъ воспользоваться ею.

Герцогъ.

Какъ? неужель? скажите жъ, другъ любезный,
Гдѣ лѣстницу такую мнѣ достать?

Валентинъ.

Когда она нужна вамъ будетъ, герцогъ?

Герцогъ.

О, въ эту жъ ночь; любовь, вѣдь, какъ дитя,
Хватается за все, что подъ рукою.

Валентинъ.

Къ семи часамъ я вамъ ее доставлю.

Герцогъ.

Все такъ синьоръ; но я пойду одинъ.

Смогу ли я снести ее туда?

Валентинъ.

Она легка и даже подъ плащомъ

Ее удобно спрятать можно, герцогъ.

Герцогъ.

Скажите, плащъ такой, какъ вашъ, годится?

Валентинъ.

Да, герцогъ.

Герцогъ.

Такъ позвольте мнѣ взглянуть:

Хочу достать себѣ такой же плащъ.

Валентинъ.

На это, герцогъ, всякій плащъ годится.

Герцогъ.

Мнѣ хочется взглянуть, какъ онъ сидитъ.

Прошу васъ, дайте мнѣ его накинуть.

(Распахиваетъ на Валентинъ плащъ, изъ котораго выпадаетъ письмо).

Письмо? «Къ синьоръ Сильвіи». Вотъ какъ!

А, кстати, вотъ и лѣстница такая,

Какъ мнѣ нужна. Ну, что жъ, на этотъ разъ

Прочешть письмо, синьоръ, беру я смѣлость.

(Читаетъ).

«Летите къ ней, мечты мои ночныя!

Васъ, какъ рабовъ, я посылаю къ ней.

О, если бъ я, какъ духи неземные,

Могъ самъ нестися къ Сильвіи моей!

Я ихъ къ тебѣ съ любовью посылаю,

Пускай онѣ на грудь падуть тебѣ;

Но я рабынь завидую судьбѣ

И свой удѣлъ жестокой проклиною

За то, что тамъ пріютъ найдутъ онѣ,

Куда проникнуть невозможно мнѣ».

А здѣсь что?

«Я въ эту ночь тебя освобожу!»

Такъ вотъ зачѣмъ ты лѣстницу достала!

А, Фаэтонъ, ничтожный сынъ Меропса!

Ты вздумалъ править колесницей Феба

И дерзостью безумной землю сжечь?

Достигнуть звѣздъ хотѣлъ лишь потому,

Что также и тебѣ онѣ сіяютъ?

Прочь, рабъ безумный, дерзкой проходимецъ!

Лишь равныхъ обольщай улыбкой льстивой
И помни — снисхожденью моему
Обязанъ ты, что дворъ мой оставляешь
Безъ наказанья. Будь мнѣ благодарень
За это больше, чѣмъ за тѣ щедроты,
Которыми тебя я осыпалъ
Не по достоинству; но если дольше
Того промедлишь ты въ моихъ владѣньяхъ,
Чѣмъ нужно, чтобы дворъ оставить мой -
Клянусь тебѣ, что гнѣвъ мой превзойдетъ
Во мнѣ любовь, которую питалъ я
И къ дочери, и къ самому тебѣ.
Ступай! твои излишни оправданья;
Но если жизнью дорожишь — спѣши!

(Уходитъ).

В а л е н т и н ъ .

О, лучше смерть, чѣмъ эта жизнь подъ пыткой!
Кто умеръ — разлучень съ самимъ собой;

31

Но Сильвія — я самъ; разстаться съ нею
Не то ли, что съ самимъ собой разстаться?
Мертвящее изгнанье! Что мнѣ въ свѣтѣ,
Когда при немъ я Сильвіи не вижу?
Какая радость радостью мнѣ будетъ
Безъ Сильвіи? я не могу жъ представить,
Что здѣсь она, со мной — и этой грезой
Обманывать тоскующее сердце.
Когда я ночью не былъ у нея,
Нѣтъ музыки мнѣ въ пѣньи соловья,
А если днемъ я Сильвію не вижу,
То для меня дневного свѣта нѣтъ.
Она мнѣ жизнь давала; я угасну,
Когда ея вліянье перестанетъ
Меня питать, живить и согрѣвать.
И, избѣжавши злого приговора,
Я не избѣгну смерти роковой:
Оставшись здѣсь — я смерти ожидаю,
Уйдя отсюда — жизнь я покидаю.

Входятъ Протей и Лаунсъ.

Протей. Бѣги, бѣги, Лаунсъ, отыщи его!

Лаунсъ. Эй, эй! сюда!

Протей. Кого ты видишь?

Лаунсъ. Да того, кого ищемъ: на головѣ его нѣтъ волоса, который не
былъ бы Валентиномъ.

Протей. Это ты, Валентинъ?

Валентинъ. Нѣтъ.

Протей. Такъ кто же ты, наконецъ?

Валентинъ. Ничто.

Лаунсъ. Да развѣ ничто можетъ говорить? Синьоръ, не хватить ли его?

Протей. Кого хватить?

Лаунсъ. Да ничто.

Протей. Стой, болванъ.

Лаунсъ. Да кто же, синьоръ — я вѣдь хочу хватить ничто.

Протей. Прочь, говорятъ! Послушай, другъ Валентинъ!

Валентинъ.

Я сталь глухимъ ко всякой доброй вѣсти,
Затѣмъ что много выслушалъ дурныхъ.

Протей.

Такъ и свои я погребу въ молчаньи —
Онѣ суровы, гадки, мучатъ слухъ.

Валентинъ.

Не умерла ли Сильвія?

Протей.

Нѣтъ, мой другъ!

Валентинъ.

Да, *нѣтъ* меня для Сильвіи прелестной!
Не измѣнила ль мнѣ?

Протей.

Нѣтъ, Валентинъ.

Валентинъ.

Да, *нѣтъ* меня, коль Сильвія забыла.

Какую жъ вѣсть мнѣ хочешь сообщить?

Лаунсъ.

Объявлено, синьоръ, что васъ изгнали.

Протей.

Что ты отсюда изгнанъ, Валентинъ,
Отъ Сильвіи и друга твоего.

Валентинъ.

О, я насытился ужъ этимъ горемъ!

Довольно — я умру отъ пресыщенья.

А Сильвіи извѣстно, что я изгнанъ?

Протей.

Да, этотъ приговоръ неотразимый
Былъ встрѣченъ ею моремъ жемчуговъ,
Которые слезами называютъ.
Ихъ пролила она къ ногамъ отца
Суороваго, упавши на колѣна

И, блѣдная, предъ нимъ ломая руки,
Причемъ онѣ бѣлѣй отъ горя стали.
Ни поднятыя руки, ни рыданья,
Ни вздохи тяжкіе, ни стонъ печальный,
Ни серебромъ струившіяся слезы
Не тронули жестокаго отца.
«Нѣтъ, онъ умретъ, когда его поймаютъ!»
И — къ довершенью бѣды — ея мольбы
Помиловать тебя такъ раздражили
Его, что дочь онъ держитъ взаперти,
Грозя навѣкъ оставить въ заточеньи.

Валентинъ.

Ни слова больше, если то, что скажешь,
Не умертвитъ меня; но если такъ,
То говори, чтобъ это было пѣснью
Конечною моею безмѣрной скорби.

Протей.

О, не скорби о томъ, чему помочь
Ужъ невозможно; лучше постарайся
Помочь тому, о чемъ ты такъ скорбишь.
Кормилица и мать всѣхъ благъ есть время.
Оставшись здѣсь, ты не увидишь милой,
А только жизнь опасности подвергнешь.
Ступай съ надеждой, посохомъ любви:

32

Онъ отъ тебя отчаянье отклонить.
Хоть будешь далеко — все-жъ присылай
Твои мнѣ письма: къ бѣлоснѣжной груди
Твоей любезной перейдутъ они.
Теперь не время предаваться скорби:
Пойдемъ — я провожу тебя къ воротамъ,
И до прощанья мы поговоримъ
Подробно о твоихъ дѣлахъ любовныхъ!
Не для себя — для Сильвіи бѣги
Опасности. Уйдемъ скорѣй отсюда.

Валентинъ.

Коль встрѣтишь, Лаунсъ, моего слугу,
Скажи, чтобъ шелъ онъ къ сѣвернымъ воротамъ.

Протей.

Ступай сыщи его. Пойдемъ, мой другъ.

Валентинъ.

О, Сильвія! о, бѣдный Валентинъ!

(Протей и Валентинъ уходятъ).

Лаунсъ. Я хоть и глупъ, а все-таки смекнулъ, что господинъ мой

нѣчто вродѣ негодя; а это все равно, что записной негодяй. А такой еще не родился, кто догадался бы, что и я влюбленъ. Да, я влюбленъ, но только не вытянуть этого изъ меня цѣлымъ цугомъ лошадей. Не узнаютъ и того, кто предметъ моей страсти. Положимъ, она женщина, а кто эта женщина, этого я и себѣ не скажу, потому-что она дѣвушка. Однако жъ она и не дѣвушка, потому-что ходили о ней разныя сплетни; нѣтъ опять-таки дѣвушка, потому-что служить въ дѣвушкахъ и получаетъ жалованье. Въ ней больше качествъ, чѣмъ въ любой охотничьей собакѣ, а это ужъ много для простой христіанки. (*Вынимаетъ бумагу.*) Вотъ роспись ея способностей: *Imprimis* — она можетъ приносить и носить. Что же? и лошадь не сдѣлаетъ больше этого. Нѣтъ, впрочемъ, лошадь можетъ только возить, а ужъ никакъ не приносить. Значить, она лучше какой-нибудь клячи. *Item* — она можетъ доить: рѣдкая добродѣтель въ дѣвушкѣ съ чистыми руками.

33

Входитъ Спидъ.

Спидъ. Здравствуй, Лаунсъ. Гдѣ мой господинъ?

Лаунсъ. Онъ — на землѣ, а земля — подъ нимъ.

Спидъ. Ты вѣчно остришь. Такъ нѣтъ ли чего новаго въ этой бумагѣ?

Лаунсъ. Какъ не быть! самая черная новость!

Спидъ. Какъ это — черная?

Лаунсъ. Да такъ, какъ чернила.

Спидъ. Дай-ка прочесть.

Лаунсъ. Гдѣ тебѣ дураку прочесть! — ты не грамотный.

Спидъ. Врешь, грамотный.

Лаунсъ. А вотъ мы сейчасъ узнаемъ. Скажи-ка, кто произвелъ тебя на свѣтъ?

Спидъ. Разумѣется, сынъ моего дѣда.

Лаунсъ. О, безграмотный шалопай! Тебя произвела на свѣтъ дочь твоей бабушки. Вотъ и видно, что ты читать не умѣешь.

Спидъ. Полно, дуракъ. Дай я прочту бумагу.

Лаунсъ. На — и да поможетъ тебѣ святой Николай.

Спидъ. *Imprimis* — она умѣетъ доить.

Лаунсъ. Да, да, умѣетъ.

Спидъ. *Item* — она варить хорошо пиво.

Лаунсъ. Отсюда и пословица: «того Богъ благословить, кто хорошій эль варить».

Спидъ. *Item* — она можетъ шить.

Лаунсъ. Только не все: на иной ротъ пуговицы не нашъетъ.

Спидъ. *Item* — она умѣетъ вязать.

Лаунсъ. Такъ и мужа умѣетъ къ дому привязать.

Спидъ. *Item* — она умѣетъ мыть и катать.

Лаунсъ. Тѣмъ лучше — не мытьемъ, такъ катаньемъ.

Спидъ. *Item* — она умѣетъ прясть.

Лаунсъ. И это хорошо: спрядетъ паутину, и будетъ питаться мухами.

Спидъ. Item — она имѣетъ много безъимянныхъ добродѣтелей.

Лаунсъ. То-есть — незаконнорожденныхъ, не вѣдающихъ отцовъ, а потому и безъ именъ.

Спидъ. Затѣмъ слѣдуютъ пороки.

Лаунсъ. Прямо по стопамъ добродѣтели.

Спидъ. Item — ее нельзя цѣловать натошакъ, по причинѣ запаха изо рта.

Лаунсъ. Ну, это пока ничего — можно послѣ завтрака. Дальше.

Спидъ. Item — она сладена.

Лаунсъ. Это возмѣщаетъ за горечь запаха изо рта.

Спидъ. Item — она говоритъ во снѣ.

Лаунсъ. Это лучше, чѣмъ спать во время разговора.

Спидъ. Item — она неразговорчива.

Лаунсъ. Какъ, дуракъ: ты это ставишь въ число пороковъ? Неразговорчивость единственная добродѣтель въ женщинѣ. Вычеркни это отсюда и поставь въ число добродѣтелей.

Спидъ. Item — она тщеславна.

Лаунсъ. Похеръ и это: тщеславіе завѣщено женщинѣ ея прародительницей Евой и не можетъ быть отнято у ней.

Спидъ. Item — у ней нѣтъ зубовъ.

Лаунсъ. Тѣмъ лучше: я самъ люблю корки.

Спидъ. Item — она сварлива.

Лаунсъ. И это ничего: безъ зубовъ не укусить.

Спидъ. Item — она частенько похваливаетъ винцо.

Лаунсъ. Если оно хорошо — пусть похваливаетъ, а если не захочетъ — я и самъ сумѣю: хорошее надо хвалить.

Спидъ. Item — она слишкомъ податлива.

Лаунсъ. На слова — не можетъ, потому-что выше сказано, что она неразговорчива; на карманъ — не будетъ, потому-что кошелекъ припрячу я къ себѣ; ну, а на что другое — пожалуй: тутъ ужъ я ничего не могу сдѣлать. Ладно — дальше.

Спидъ. Item — у ней больше волосъ, чѣмъ ума, больше пороковъ, чѣмъ волосъ, и больше денегъ, чѣмъ пороковъ.

Лаунсъ. Постой, постой! Мнѣ хочется жениться, а по этой статьѣ вотъ уже два или три раза я и рѣшался, и раздумывалъ. Повтори-ка ее.

Спидъ. Item — у ней больше волосъ, чѣмъ ума.

Лаунсъ. Больше волосъ, чѣмъ ума. Что жъ? это возможно, и я сейчасъ докажу это: крышка солонки покрываетъ соль и потому больше, чѣмъ соль; волосы покрываютъ мозгъ и потому больше мозга вѣдь, большее всегда покрываетъ меньшее. Что затѣмъ?

Спидъ. Больше пороковъ, чѣмъ волосъ.

Лаунсъ. О, это ужасно. О, еслибъ этого не было!

Спидъ. И больше денег, чѣмъ пороковъ.

Лаунсъ. Ну, это скрашиваетъ ея пороки. Рѣшено, я беру ее за себя — и такъ-какъ нѣтъ ничего невозможнаго...

Спидъ. То?

Лаунсъ. То и скажу тебѣ, что господинъ твой ждетъ тебя у сѣверныхъ воротъ.

34

Спидъ. Какъ? ждетъ меня?

Лаунсъ. Ну, да, тебя. Что же тутъ удивительнаго? Онъ ждалъ еще почище людей, чѣмъ ты.

Спидъ. Такъ онъ приказалъ мнѣ идти туда?

Лаунсъ. Какое идти! Бѣги, что есть мочи: ты такъ долго промѣшкалъ, что и бѣгомъ не догонишь.

Спидъ. Зачѣмъ же ты мнѣ раньше не сказалъ? Чортъ возьми твои любовныя письма!

(Уходитъ).

Лаунсъ. Достанется же ему за то, что читалъ мое письмо! Болванъ безсовѣстный, впередъ не будешь совать носъ въ чужія тайны. Побѣгу — посмотрю, какъ ему достанется. *(Уходитъ).*

СЦЕНА II.

Тамъ же. Комната во дворцѣ герцога.

Входятъ герцогъ и Туріо; потомъ Протей.

Герцогъ.

Не бойтесь, Туріо — теперь она
Полюбитъ васъ: нѣтъ больше Валентина.

Туріо.

Съ-тѣхъ-поръ какъ нѣтъ его, ея презрѣнье
Удвоилось ко мнѣ: моей бесѣды
Гнушается она — и я ужъ не надѣюсь
Когда-нибудь назвать ее своею.

Герцогъ.

Такой ничтожный отпечатокъ чувства
Чертамъ на льду подобень: часъ тепла —
И, тая, ужъ онѣ теряютъ форму.
Такъ время ледъ души ея растаитъ
И будетъ ею Валентинъ забыть.

(Входитъ Протей).

Синьоръ Протей, уѣхалъ ли вашъ другъ,
Согласно съ нашимъ повелѣньемъ?

Протей.

Да,

Свѣтлѣйшій герцогъ, онъ уже уѣхалъ.

Герцогъ.

Тоскуеть сильно дочь моя по немъ.

Протей.

Но время скоро грусть ея разсѣеть.

Герцогъ.

Я думаю; но Туріо не вѣритъ;
Мое къ вамъ уваженіе, Протей, —
Его вы самымъ дѣломъ оправдали —
Къ довѣрію меня располагаетъ.

Протей.

Пусть лучше я для милостей умру,
Чѣмъ покажу себя ихъ недостойнымъ.

Герцогъ.

Вы знаете одно мое желанье —
Бракъ дочери и Туріо устроить.

Протей.

Да, знаю, герцогъ.

Герцогъ.

Полагаю также

Извѣстно, что противится она.

Протей.

Противилась, пока былъ Валентинъ.

Герцогъ.

Но и теперь противится она.
Такъ что жъ намъ дѣлать, какъ бы такъ устроить,
Чтобы она забыла Валентина
И полюбила Туріо?

Протей.

Намъ надо

Въ ея глазахъ унижить Валентина,
Сказавъ, что онъ не вѣренъ и трусливъ,
И низокъ родомъ; эти недостатки
Для женщины противнѣе всего.

Герцогъ.

Она враждѣ моей припишетъ это.

Протей.

Да, если это скажетъ врагъ; но нужно,
Чтобъ это говорилъ ей тотъ, кого,
Она считаетъ другомъ Валентина.

Герцогъ.

Такъ это вамъ всего-бы лучше было.

Протей.

Такое дѣло мнѣ противно, герцогъ:
Достойно-ль дворянина — клеветать
И сверхъ того, на истиннаго друга?

Герцогъ.

Ему нѣтъ пользы въ вашихъ похвалахъ,
Такъ нѣтъ вреда и въ вашихъ клеветахъ;

36

Унизить васъ никакъ онѣ не могутъ:
Вѣдь другъ же васъ объ этой жертвѣ просить.

Протей.

Вы побѣдили, герцогъ. Если я
Подѣйствую моею клеветою,
То къ Валентину страсть ея пройдетъ.
Но можно ль думать, что, забывъ его,
Она синьора Турію полюбитъ?

Турію.

Но, сматывая нить ея любви
Съ него, синьоръ, никакъ вы не дадите
Ей спутаться и сдѣлаться негодной,
А на меня наматывать спѣшите.
Поэтому настолько жъ восхваляйте
Меня, насколько вы его черните.

Герцогъ.

И въ этомъ мы вполнѣ вамъ довѣряемъ.
Мы знаемъ изъ разсказа Валентина,
Что вы любить навѣки поклялись
И измѣнить той клятвѣ не рѣшитесь.
Увѣренные въ томъ, мы разрѣшаемъ
Вамъ доступъ къ Сильвіи и съ ней бесѣду.
Она грустна, задумчива, мрачна,
И будетъ рада другу Валентина;
А вы ее настройте убѣжденьемъ
Такъ, чтобъ она отвергла Валентина
И къ Турію душою обратилась.

Протей.

Все сдѣлаю, что въ силахъ буду сдѣлать;
Но, Турію, вы сами не плошайте:
Ея мечты старайтесь уловить
Въ сонетахъ жалобныхъ, которыхъ риѳмы
Твердили бы о преданной любви.

Герцогъ.

Поэзія, дитя небесъ, всесильна!

Протей.

Вы пойте ей, что слезы, вздохи, сердце
Ей въ жертву принесли; пишите ей,
Пока у васъ не высохнутъ чернила;
Тогда вы разведите ихъ слезами
И превратите въ полный чувства стихъ.
Поэтовъ струны слышались въ лютнѣ
Орфеевой; отъ звуковъ золотыхъ
Ея смягчались камни и желѣзо,
Тигръ дѣлался ручнымъ, левіаѳанъ
Всплывалъ изъ бездны на берегъ для пляски.
А послѣ этихъ жалобныхъ элегій
Ступайте ночью подъ ея окно
Съ пріятной музыкой, и въ эти звуки
Вдохните пѣснь тоскующей души.
И сладкозвучной жалобѣ вполнѣ
Содѣйствуетъ безмолвіе ночное,
Лишь такъ и можно тронуть вамъ ее.

Герцогъ.

Да, видно, что и вы любви служили.

Туріо.

Я въ эту ночь провѣрю вашъ совѣтъ.
Теперь пойдѣте, дорогой наставникъ,
Со мною въ городъ — тамъ отыщемъ мы
Какихъ-нибудь искусныхъ музыкантовъ.
Есть у меня сонетъ, вполнѣ пригодный
Для первой пробы вашихъ наставленій.

Герцогъ.

Такъ поскорѣй за дѣло, господа.

Протей.

До ужина мы будемъ вамъ служить,
Потомъ немедля къ дѣлу мы приступимъ.

Герцогъ.

Нѣтъ, я теперь же отпускаю васъ.

(Уходятъ).

36

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лѣсъ близъ Мантуи.

СЦЕНА I.

Входятъ разбойники.

1-й разбойникъ.

Ребята, стой: вонъ тамъ идетъ прохожій.

2-й разбойникъ.

Будь и десятокъ ихъ — всѣхъ перебьемъ.

Входятъ Валентинъ и Спидъ.

3-й разбойникъ.

Синьоръ, давайте все, что есть при васъ,

Не то мы сами васъ кругомъ обшаримъ.

Спидъ.

Пропали мы, синьоръ: вѣдь это тѣ

Разбойники, которыхъ такъ боятся

Здѣсь путники.

Валентинъ.

Послушайте, друзья!

1-й разбойникъ.

Ну, не совсѣмъ, синьоръ: скорѣй враги.

2-й разбойникъ.

Молчи — слушаемъ, что намъ онъ скажетъ.

3-й разбойникъ.

Послушаемъ; клянуса бородою

Онъ, кажется, хорошій человѣкъ.

Валентинъ.

Такъ знайте же, мнѣ нечего терять;

Я человѣкъ, гонимый злой судьбою;

Мое богатство — это одѣянье,

И если вы отнимете его —

Вы все отнимете, что я имѣю.

2-й разбойникъ. Куда идете вы?

Валентинъ. Въ Верону.

1-й разбойникъ. Откуда?

Валентинъ. Изъ Милана.

3-й разбойникъ. А долго-ли тамъ жили?

Валентинъ.

Шестнадцать мѣсяцевъ; но я остался бѣ

И долѣ тамъ, когда бы не судьба.

1-й разбойникъ.

Вы изгнаны оттуда?

Валентинъ.

Да, я изгнанъ.

2-й разбойникъ.

За преступленье?

Валентинъ.

Да, за то, о чемъ

Мнѣ тяжело и вспомнить: я убилъ
Тамъ челоуѣка; этимъ я терзаюсь,
Хотя убилъ его въ честномъ бою,
Безъ хитрости и безъ измѣны низкой.

1-й разбойникъ.

Къ чему жъ раскаянье, коль это такъ?
И васъ всего за это лишь изгнали?

Валентинъ.

Я радъ тому, что смерти избѣжалъ.

1-й разбойникъ.

А языки вы знаете?

Валентинъ.

Да, знаю:

Я изучалъ ихъ, странствуя по свѣту;
Безъ нихъ подчасъ мнѣ было бѣ тяжело.

3-й разбойникъ.

Монаха Тука лысиной клянусь,
Вотъ былъ бы намъ хорошій атаманъ!

1-й разбойникъ.

Возьмемъ его къ себѣ.

(Переговариваются между собою).

Спидъ.

Подите къ нимъ —

Пречестные грабители они.

Валентинъ.

Молчи, болванъ!

2-й разбойникъ.

Скажите, есть ли что у васъ въ виду?

Валентинъ.

Нѣтъ, ничего.

3-й разбойникъ.

Такъ знайте, что изъ насъ

Здѣсь многіе — дворяне; насъ отторгли
Отъ общества порядочныхъ людей
Проступки, страсти юношескихъ лѣтъ.
Я изгнанъ изъ Вероны за попытку
Похитить дочь изъ знатнаго семейства
И родственницу герцога Вероны.

2-й разбойникъ.

А я изъ Мантуи за то, что тамъ,
Разгорячившись, закололъ синьора.

1-й разбойникъ.

И я былъ изгнанъ за такой же вздоръ;
Но къ дѣлу — мы открылись вамъ затѣмъ,

Чтобъ извинить свой промыселъ предъ вами.
Вы человѣкъ красивый и съ хорошимъ
Образованьемъ; вамъ къ тому жъ извѣстны
И языки: такого человѣка
И нужно намъ для нашего занятя.

2-й разбойникъ.

Вы изгнаны — и потому рѣшились
Мы сообщая вамъ сдѣлать предложенье:
Согласны ль вы быть нашимъ атаманомъ?
Хотите ли нуждѣ вы покориться,
И съ нами здѣсь въ лѣсахъ дремучихъ жить?

3-й разбойникъ.

Что скажете? хотите-ль къ намъ примкнуть?
Скажите да — и вы нашъ атаманъ,
И мы во всемъ вамъ будемъ подчиняться
И васъ любить, какъ старшаго надъ нами.

1-й разбойникъ.

А за отказъ тебя постигнетъ смерть.

2-й разбойникъ.

Чтобъ не хвалился нашимъ предложеньемъ.

Валентинъ.

Его я принимаю только съ тѣмъ
Условіемъ, чтобъ вы не нападали
На бѣдныхъ путниковъ и слабыхъ женщинъ.

3-й разбойникъ.

Подобныхъ дѣлъ гнушаемся мы сами.
Теперь — къ пещерѣ; тамъ тебѣ покажемъ
Сокровища, которыя скопили:
Они, какъ мы, въ твоёмъ распоряженіи.

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Миланъ. Дворъ герцогскаго дворца.

Входитъ Протей.

Протей.

Сперва я предалъ друга Валентина,
Теперь я долженъ Туріо предать.
Я за него ходатайствовать долженъ,
Но о себѣ я буду хлопотать;
Но Сильвія вѣрна, свята, прекрасна,

И мнѣ-ль, ничтожному, ее увлечь.
Скажу ли я, что преданъ ей вполнѣ,
Она тотчасъ коритъ меня измѣной,
Начну ли клясться ей въ любви моей,
Она велитъ мнѣ вспомнить вѣроломство
И Юлію, которую любилъ.
Слабѣйшій изъ ея упрековъ могъ бы
Надежды всей лишить меня, но страсть
Во мнѣ растеть, какъ ласковость въ болонкѣ,
Чѣмъ болѣе холодности встрѣчаетъ.
Но вотъ и Туріо; къ ея окну
Мы явимся съ ночью серенадой.

Входитъ Туріо съ музыкантами.

Туріо.

Вы здѣсь, синьоръ? До насъ ужъ вы прокрались?

Протей.

Любовь всегда сумѣетъ тамъ прокрасться,
Гдѣ прямо ей пройти нельзя, синьоръ.

Туріо.

Но ваша-то любовь не здѣсь, надѣюсь?

Протей.

Нѣтъ здѣсь она, иначе бъ я здѣсь не былъ.

Туріо.

Какъ? къ Сильвіи?

Протей.

Да, къ Сильвіи для васъ.

Туріо.

Благодарю за то. Ну, господа,
Сыграемте дружнѣй и веселѣе.

*Входятъ хозяинъ гостиницы и Юлія въ одѣждѣ пажа,
и останавливаются вдали.*

Хозяинъ. Что съ вами, мой юный гость? Вы, кажется, разстроены.
Скажите, отчего это?

Юлія. Вѣроятно оттого, что не могу быть веселъ.

Хозяинъ. Погодите, мы развеселимъ васъ: вы услышите здѣсь
музыку и увидите синьора, котораго желали видѣть.

Юлія. И услышу его?

Хозяинъ. Разумѣется.

Юлія. Это и будетъ для меня музыкой.

(Музыканты начинаютъ).

Хозяинъ. Слушайте, слушайте!

Юлія. Онъ между ними?

Хозяинъ. Да, да — послушайте только.

Кто же Сильвья? кто она?

Ею міръ весь очарованъ;
Всѣхъ красотъ она полна;
Умъ небесный ей дарованъ;
Всѣхъ влечетъ къ себѣ она.

Взоры полны доброты;
Красота съ ней въ дружбѣ тѣсной.
О, Амуръ! отъ слѣпоты
Чтобъ избавиться, въ прелестный
Взоръ ея вселился ты!

Прелестъ Сильвіи поемъ!
Выше всѣхъ она сравненій!
Пѣснью нашей вознесемъ
Выше всѣхъ земныхъ твореній,
И вѣнки ей поднесемъ.

Хозяинъ. Что съ вами? вы еще печальнѣй, чѣмъ были прежде? Быть-
можетъ, вамъ не нравится музыка?

Юлія. Нѣтъ, не музыка, а музыкантъ.

Хозяинъ. Вотъ-какъ? а почему, мой милый гость?

Юлія. Онъ очень фальшивить.

Хозяинъ. Значить, беретъ не тѣ ноты?

Юлія. О, нѣтъ! но онъ такъ рветъ струны, что надрываетъ струны
моего сердца.

Хозяинъ. У васъ очень нѣжный слухъ.

Юлія. О, какъ бы я желалъ быть глухимъ! у меня такъ тяжело на
сердцѣ.

Хозяинъ. Вы, кажется, не охотникъ до музыки.

Юлія. Да, если въ ней разладъ.

Хозяинъ. Слышите, какой отличный переходъ?

Юлія. Я переходовъ терпѣть не могу.

Хозяинъ. Значить, вамъ бы хотѣлось, чтобъ они играли одно и то
же?

Юлія.

Конечно, лучше бы не измѣнять.

Скажите, часто ли синьоръ Протей

Бываетъ у синьоры этой?

Хозяинъ. Мнѣ говорилъ Лаунсъ, его слуга, что онъ влюбленъ въ нее
безъ памяти.

39

Юлія. Гдѣ же этотъ Лаунсъ?

Хозяинъ. Онъ пошелъ за своей собакою. По приказанію своего
господина, онъ сведетъ ее завтра — въ подарокъ - къ дамѣ его сердца.

Юлія.

Тсъ! отойдемъ: расходятся они.

Протей.

Я, Туріо, за вась такъ хлопочу,
Что вы мое похвалите искусство.

Туріо.

Гдѣ мы сойдемся съ вами?

Протей.

У фонтана

Григорія святого.

Туріо.

До свиданья.

(Уходитъ съ музыкантами).

Сильвія показывается у окна.

Протей.

Прекрасная синьора, добрый вечеръ!

Сильвія.

Благодарю за музыку, синьоръ.
Кто вы?

Протей.

Я тотъ, чей голосъ вы легко бѣ узнали,
Когда бы знали преданное сердце.

Сильвія.

Синьоръ Протей, когда не ошибаюсь.

Протей.

Да, я Протей и вашъ слуга, синьора.

Сильвія.

Что вамъ угодно?

Протей.

Вамъ угоднымъ быть.

Сильвія.

Сбылось желанье ваше: мнѣ угодно,
Чтобъ вы сейчасъ же спать пошли домой.
О, гнусный, лживый, низкій человѣкъ!
Ты думаешь, что я такъ безразсудна,
Что уступлю искательству того,
Кто столько клятвъ нарушилъ безъ причины.
Вернись домой, покайся предъ невѣстой.
Клянуся блѣдною царицей ночи, —
Я нечувствительна къ твоимъ мольбамъ,
И всѣ твои исканья презираю.
Мнѣ ужъ за то досадно на себя,
Что я съ тобой такъ долго говорила.

Протей.

Синьора, признаюсь, что я любилъ

Другую; но она ужь умерла.

Юлія (*про себя*).

Скажи я это — я бы ложь сказала:

Я знаю, не въ землѣ еще она.

Сильвія.

Пусть будетъ такъ, но другъ твой Валентинъ

Еще живеть: ему — ты самъ свидѣтель —

Обручена я. И тебѣ не стыдно

Ему своимъ искательствомъ вредить?

Протей.

Я слышалъ, что и онъ ужь не въ живыхъ.

Сильвія.

Такъ вѣрь, что умерла и я; въ могилѣ

Его погребена моя любовь.

Протей.

Прекрасная, дозвожь ее мнѣ вырыть!

Сильвія.

Любовь невѣсты вырой изъ могилы,

А нѣтъ, то въ ней похорони свою.

Юлія (*про себя*).

Онъ этого не слышалъ никогда!

Протей.

Синьора, если такъ жестоки сердцемъ,

То дайте мнѣ, страдальцу, свой портретъ,

Висящій въ вашей комнатѣ. Предъ нимъ

Я говорить, вздыхать и плакать буду.

Когда прелестный свой оригиналь

Вы отдали другому, то я — тѣнь,

И тѣни вашей поклоняться буду.

Юлія (*про себя*).

Ты обмануль бы и оригиналь,

И превратилъ бы въ тѣнь, какъ и меня.

Сильвія.

Я не хочу кумиромъ вашимъ быть;

Но такъ какъ вашей лживости пристало

Молиться лживымъ призракамъ, то завтра

За нимъ пришлите утромъ, а теперь —

Спокойной ночи.

Протей.

Да, такой, какую

Имѣетъ тотъ, кто къ смерти осужденъ.

(*Протей уходитъ; Сильвія удаляется от окна*).

Юлія. Идемъ, хозяинъ.

Хозяинъ . А я было заснулъ.

Юлія . Скажите мнѣ, гдѣ живетъ синьоръ Протей?

Хозяинъ . Да у меня же въ домѣ. Мнѣ кажется, право, что уже день.

Юлія .

Нѣтъ, ночь; но тягостной такой и длинной я никогда безъ сна не проводилъ.

(Уходитъ).

СЦЕНА III.

Тамъ же.

Входитъ Эгламуръ .

Эгламуръ .

Мнѣ въ этотъ часъ назначила явиться

Синьора Сильвія, чтобъ передать

Свое желанье; дать она хотѣла

Мнѣ порученье важное. Синьора!

Сильвія показывается у окна.

Сильвія .

Кто тутъ?

Эгламуръ .

Служитель вашъ и другъ, синьора!

Онъ ожидаетъ вашихъ приказаній.

Сильвія .

А, Эгламуръ! вамъ тысяча привѣтствій.

Эгламуръ .

Вамъ столько же, достойная синьора.

Сюда, согласно с вашимъ приказаньемъ,

Пришелъ я на разсвѣтъ, чтобъ узнать,

Что поручить мнѣ вамъ угодно будетъ.

Сильвія .

О, Эгламуръ — вы честный дворянинъ!

Клянусь, что я не лъщу вамъ, это правда:

Вы добрый, умный, храбрый человекъ.

Къ вамъ прибѣгаю съ просьбой. Вамъ извѣстно,

Какъ сильно Валентина я люблю,

Который изгнанъ, и что мой отецъ

За Туріо меня желаетъ выдать,

Котораго всѣмъ сердцемъ ненавижу.

Любили сами вы и мнѣ признались,

Что васъ ничто не поражало такъ,

Какъ смерть невѣсты, пламенно любимой.
Надъ раннею ея могилой вы
Безбрачія обѣтъ произнесли.
Я въ Мантую отправиться желаю,
Чтобъ Валентина отыскать — онъ тамъ.
Но путь опасенъ, почему прошу васъ
Быть спутникомъ моимъ: на вашу честь
Вполнѣ я полагаюсь, Эгламуръ.
Не бойтесь гнѣва моего отца,

41

А помните о горѣ вашей дамы;
Подумайте, что мой побѣгъ меня
Избавитъ отъ безбожнаго союза,
Противнаго и небесамъ и людямъ.
О, троньтесь же мольбой моею души,
Столь полной скорбью, какъ песками море,
И согласитесь проводить меня!
Но если нѣтъ — прошу храните втайнѣ,
Что я сказала вамъ: тогда одна
Должна я буду ѣхать къ Валентину.

Эгламуръ.

Синьора, мнѣ понятна ваша горестъ
И чувства ваши я вполнѣ цѣню;
Отъ всей души готовъ васъ провожать.
Мнѣ все равно, чтобъ послѣ ни постигло
Меня за то: желаю одного,
Чтобъ вы счастливы были. Такъ когда же
Вы думаете ѣхать?

Сильвія.

Въ эту ночь.

Эгламуръ.

А гдѣ сойдемся мы, синьора?

Сильвія.

Въ кельѣ

Отца Патрикія: къ нему пойду я
На исповѣдь.

Эгламуръ.

И я туда явлюсь.

Прощайте, благородная синьора.

Сильвія.

Такъ до свиданья, добрый Эгламуръ.

(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Тамъ же.

Входитъ Лаунсъ съ собакой.

Лаунсъ. Когда слуга челоуѣка долженъ служить ему по-собачьи, оно — видите ли — и обидно. Я воспиталь его съ пеленокъ, спасъ отъ потопленія, тогда какъ трое или четверо изъ его слѣпыхъ братцевъ и сестрицъ пошли ко дну. Я обучилъ его такъ, что всякій, кто посмотритъ на него, скажетъ: вотъ какъ бы я обучилъ мою собаку. Вотъ и посылаетъ меня господинъ отвести его въ подарокъ синьорѣ Сильвіи. Не успѣлъ я войти въ столовую, какъ онъ шастъ къ тарелкѣ синьоры, да и стянулъ съ нея каплюню ножку. Выходитъ дѣло дрянъ, когда песь не умѣетъ вести себя прилично во всякомъ обществѣ. По-моему, ужъ если кто, такъ сказать, взялся быть настоящей собакой, то онъ — такъ сказать — долженъ вести себя какъ порядочная собака. Ну, не будь я умнѣе его, не возьми на себя его вину, такъ ужъ быть бы ему повѣшену. Поплатился бы онъ за это — сейчасъ умереть, поплатился бы. Посудите сами: забрался онъ на дняхъ, въ компаніи трехъ или четырехъ благовоспитанныхъ собакъ, подъ столъ герцога и, повѣрите ли, не пробылъ тамъ и столько времени, сколько нужно, чтобъ высморкаться, какъ ужъ всѣ носы въ комнатѣ почувствовали его присутствіе. «Выгнать собаку!» говоритъ одинъ; «это что за песь?» говоритъ другой; «отодрать его!» кричитъ третій; «повѣсить его!» говоритъ герцогъ. Мнѣ этотъ запахъ ужъ давно знакомъ: я тотчасъ и смекнулъ, что это мой Краббъ — и пошелъ къ челоуѣку, который сѣчетъ собакъ. «Любезный, говорю, ты хочешь выпоротъ эту собаку?» — Да, говоритъ, хочу. «Такъ ты, говорю, поступишь совсѣмъ не справедливо: вѣдь, это того, я сдѣлалъ». Онъ не сказалъ противъ этого ни слова, и выстегалъ меня вонъ изъ комнаты. Много ли господъ сдѣлали бы то же самое для своихъ слугъ? Да что! я могу показать подъ присягой, что сидѣлъ въ колодкѣ за пудинги, которые онъ не разъ стянулъ — иначе не быть бы ему въ живыхъ; что стоялъ у столба за гусей, которыхъ онъ задушилъ, и за что его непременно бы убили. Что, песь, небось ты все позабылъ? Но я припоминаю еще одну штуку, которую ты сыгралъ со мною, когда я прощался съ синьорой Сильвіей. Не говорилъ ли я тебѣ, чтобъ ты всегда смотрѣлъ на меня и дѣлалъ такъ, какъ я? Когда же ты видѣлъ, чтобъ я поднималъ ногу и орошалъ юбку благородной дамы? Ну, видаль ли ты, чтобъ я откалывалъ такія штуки?

Входятъ Протей и Юлія.

Протей.

Ты нравишься мнѣ, Себастьянъ; охотно беру тебя на службу, и сейчасъ же Тебѣ могу я порученье дать.

Юлія.

Что вамъ угодно, я готовъ исполнить.

Протей.

Надѣюсь. (*Лаунсу.*) А! ты здѣсь болванъ!

Гдѣ ты шатался цѣлые два дня?

42

Лаунсъ. Гдѣ? по вашему же приказу водилъ собаку къ синьорѣ Сильвіи.

Протей. Что жъ она сказала про мое маленькое сокровище?

Лаунсъ. Да, сказала, что ваша собака — гадкій песъ, и что такой подарокъ стоитъ только собачьей благодарности.

Протей. Но все же приняла ее?

Лаунсъ. Нѣтъ, не приняла. Вотъ она — я ее привелъ назадъ.

Протей. Какъ? ты ей предлагалъ отъ меня эту гадость?

Лаунсъ. Да, синьоръ. Вашу бѣлку укралъ у меня на площади какой-то прощальга — ну, я и предложилъ ей свою. Вѣдь, моя-то вдесятеро больше вашей: стало быть, и подарокъ сталъ вдесятеро больше.

Протей.

Бѣги сейчасъ, ищи мою собаку

И безъ нея ко мнѣ не возвращайся.

Что жъ ты торчишь тутъ? чтобъ меня бѣсить?

Ты только знаешь, что срамитъ меня!

(*Лаунсъ уходитъ.*)

Ну, Себастьянъ, тебя къ себѣ беру я

Отчасти потому, что я нуждаюсь

Въ служителѣ, который могъ бы съ толкомъ

Исполнить порученье; мой же пентюхъ

Рѣшительно на это не способенъ;

Но главное — твое лицо, манеры

Ручаются — коль я не ошибаюсь —

За умъ, за вѣрность и за воспитанье

Хорошее. За то я и беру

Тебя на службу. Теперь ступай-же

И Сильвіи прелестной передай

Вотъ этотъ перстень; онъ мнѣ подаренъ

Особою, меня любившей нѣжно.

Юлія.

Такъ, стало быть, ее вы не любили.

Иль умерла она?

Протей.

Нѣтъ, кажется, жива!

Юлія.

О, горе мнѣ!

Протей.

О чемъ ты такъ вздохнулъ?

Юлія.

Мнѣ какъ-то жаль ее.

Протей.

За что же это?

Юлія.

Мнѣ кажется, васъ такъ она любила,
Какъ любите вы Сильвію теперь;
Она мечтаетъ, можетъ быть, о томъ,
Кто позабылъ ее, а вы, синьоръ,
О той, которая къ вамъ равнодушна.
Какъ жаль, что столь всегда любовь превратна!
При этой мысли я вздохнулъ невольно.

Протей.

Такъ ты отдашь ей перстень и при этомъ
Письмо; вонъ комната ея. Скажи ей,
Что жду ея небеснаго портрета.
Исполнивъ все, ты въ комнатѣ моей
Найдешь меня унылымъ, одинокимъ.

(Уходитъ).

Юлія.

Изъ женщинъ многія ль исполнить могутъ
Такой приказъ? Ахъ, бѣдный мой Протей!
Лисицу ты поставилъ въ пастухи
Своихъ ягнятъ. О, глупая! зачѣмъ
Жалѣешь ты того, кто такъ жестоко
Тобой пренебрегаетъ? Отчего,
Любя ее, меня онъ презираетъ,
А я, его любя, должна жалѣть?
Кольцо ему дала я въ день разлуки,
Чтобъ о моей любви онъ вспоминалъ —
И вотъ теперь меня онъ посылаетъ
Просить того, чего бы не хотѣлось
Мнѣ получить, и предложить ей то,
Что я отвергнутымъ желала бъ видѣть.
Я вѣрность восхвалять его должна,
Которую хотѣла бъ опозорить.
Вѣрна я, какъ невѣста, господину,
Но не могу слугой ему быть вѣрнымъ,
Иль я должна сама себя предать.
И буду я ходатаемъ его,
Но равнодушнымъ: въ томъ свидѣтель небо,
Какъ сильно я желаю неудачи.

Входитъ Сильвія со служанкой.

Юлія.

Привѣтъ вамъ, синьорина! Гдѣ, скажите,
Могу синьору Сильвію увидѣть?

Сильвія.

Тебѣ на что? положимъ, я — она.

Юлія.

А если такъ, то выслушать прошу:

Я съ порученьемъ.

Сильвія.

Кто тебя послалъ?

Юлія.

Мой господинъ, синьоръ Протей.

Сильвія.

А, вѣрно за портретомъ?

Юлія.

Да, синьора.

Сильвія.

Урсула, принеси его сюда.

(Служанка приноситъ портретъ).

Отдай его синьору твоему
И отъ меня скажи ему въ придачу,
Что Юлія, которую онъ бросилъ,
Украшила бы лучше этой тѣни
Его покои.

Юлія.

Вотъ письмо, синьора!

Ахъ, извините, по ошибкѣ, отдалъ
Я вамъ не то, что долженъ былъ подать:
Вотъ это къ вамъ.

Сильвія.

Нѣтъ, дай взглянуть на то.

Юлія.

Нѣтъ, не могу синьора; извините.

Сильвія.

Ну, такъ возьми жъ и это. Я не стану
Читать посланье твоего синьора.
Оно полно, я знаю, увѣреній
И новыхъ клятвъ; но такъ же ихъ легко
Онъ разорветъ, какъ я бумагу эту.

Юлія.

Синьора, вамъ кольцо онъ посылаетъ.

Сильвія.

И не стыдится онъ его дарить!
Онъ сотни разъ твердилъ, что получилъ

Отъ Юліи его при разставаньи.
Онъ осквернилъ его коварною рукой;
Но Юліи моей не оскорблю я.

Юлія.

Она благодарить васъ.

Сильвія.

Что сказалъ ты?

Юлія.

Благодарю васъ за участие къ ней.
Мой господинъ съ ней поступилъ жестоко.

Сильвія.

Ее ты знаешь?

Юлія.

Да, синьора, знаю

Почти какъ самага себя, и только
Подумаю, какъ бѣдная страдаетъ,
То самъ о ней невольно слезы лью.

Сильвія.

Она ужъ знаетъ о его измѣнѣ?

Юлія.

Я думаю, что знаетъ: это ей
Терзаетъ сердце.

Сильвія.

Хороша она?

Юлія.

Да, хороша, но ужъ не такъ, какъ прежде;
Когда любовь синьора моего
Ее живила, на мои глаза
Прекрасна была столь-же,
Съ тѣхъ поръ она о зеркалѣ забыла,
О маскѣ, защищающей отъ солнца:
Поблекли розы на ея щекахъ,
Покрылъ загаръ лилейное лицо,
И стала смуглой бѣдная, какъ я.

Сильвія.

Какъ высока она?

Юлія.

Почти, какъ я. Въ послѣдній Духовъ день,
Когда мы пьесы разныя играли,
Роль женскую пришлось мнѣ исполнять —
И въ платьѣ Юліи я нарядился.
Оно на мнѣ сидѣло такъ, какъ будто
Его нарочно сшили для меня.
Отсюда я узнал, что одного

Я роста съ нею. Въ этотъ день я сильно
Ее растрогаль — мнѣ пришлось играть,
Синьора, роль несчастной Ариадны,
Покинутой измѣнникомъ Тезеемъ —
И эту роль такъ вѣрно я исполниль,
Что бѣдная синьора залилась
Слезами горькими. Клянуса честью,
Ея печаль вполнѣ я пережилъ.

Сильвія.

Она тебѣ признательна, мой милый.
О, бѣдная, забытая *дѣвица!*
Я тронута до слезъ твоимъ разговоромъ.
Вотъ кошелекъ: возьми его себѣ

44

За преданность покинутой синьорѣ.
Прощай! (*Уходитъ*).

Юлія.

Благодарить она васъ будетъ, если
Сойдетесь съ ней. О, какъ она добра,
Какъ благородна! Господинъ мой встрѣтитъ
Холодность въ ней, когда такъ горячо
Сочувствуетъ она моей синьорѣ.
Ахъ, какъ любовь сама себя морочитъ!
Посмотримъ на портретъ ея. О, если бѣ
Мое лицо въ такомъ уборѣ было,
Оно не хуже было бѣ, чѣмъ ея.
А все таки польстиль ей живописецъ,
Иль слишкомъ я къ самой себѣ пристрастна.
Ея коса каштановаго цвѣта,
Моя же — свѣтлорусаго. О, если
Лишь это къ ней любовь его влечетъ,
Я заведу парикъ такого цвѣта.
Глаза у ней такіе жъ, какъ мои;
Но низокъ лобъ — мой лобъ гораздо выше.
Но что же въ ней его очаровало,
Чего бы онъ во мнѣ любить не могъ,
Когда любовь была бы не слѣпою?
Возьми же, тѣнь, съ собою эту тѣнь
Соперницы твоей. О, какъ онъ будетъ
Боготворить, лелѣять, цѣловать
Тебя, бездушный образъ! Но когда бѣ
Былъ смыслъ малѣйшій въ этомъ поклоненіи,
Была бы я — не ты — его предметомъ.
Къ тебѣ я буду ласкова за то,

Что и она добра была со мною.
Не будь того, Юпитеромъ клянусь,
Я вырвала бы очи изъ портрета,
Чтобъ мой синьоръ на нихъ не любовался.
(Уходитъ).

45

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Миланъ. Дворъ аббатства.

СЦЕНА I.

Входитъ Эгламуръ.

Эгламуръ.

Ужъ позлатило солнце небосклонъ:
Вотъ часъ, въ который Сильвія сойтись
Со мной у кельи Патрика хотѣла.
Сейчасъ она придетъ — вѣдь, никогда
Влюбленные не забываютъ часа;
Напротивъ, нетерпѣнье побуждаетъ
Ихъ приходить гораздо раньше срока.

Входитъ Сильвія.

Эгламуръ.

Вотъ и она! Синьора, добрый вечеръ!

Сильвія.

Аминь! Пойдемте, добрый Эгламуръ.
Мы выйдемъ черезъ заднюю калитку:
Я опасаюсь, что за мной слѣдятъ.

Эгламуръ.

Не бойтесь: до лѣсу всего три мили,
А тамъ мы безопасны отъ погони.

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Тамъ же. комната во дворцѣ герцога.

Входятъ Туріо, Протей и Юлія.

Туріо.

Синьоръ Протей, какъ Сильвія ко мнѣ?

Протей.

Немного благосклоннѣе, чѣмъ прежде;
Но кое-что не нравится ей въ васъ.

46

Туріо.

Не длинны-ль ноги?

Протей.

Нѣтъ, но слишкомъ тонки.

Туріо.

Такъ сапоги надѣну я, чтобъ толще
Онѣ казались.

Юлія (*про себя*).

Нѣтъ, любовь нельзя

Къ тому пришпорить, кто ей не по вкусу.

Туріо.

Ну, а лицо мое?

Протей.

Она его

Находитъ слишкомъ бѣлымъ.

Туріо.

Вотъ и лжетъ

Плутовка: у меня лицо вѣдь смугло.

Протей.

Хоть перлы бѣлы, но — по поговоркѣ —
Мужчина смуглый перль въ глазахъ у дамъ.

Юлія (*про себя*).

Да, отъ которыхъ гаснутъ ихъ глаза.

Ужъ лучше я смотрѣть на нихъ не буду.

Туріо.

А рѣчь моя пріятна ей?

Протей.

Нисколько

Коль о войнѣ начнете говорить.

Туріо.

Но нравится, когда я о любви,
О мирѣ говорю?

Юлія (*про себя*).

А больше, если

Ты мирное молчанье сохраняешь.

Туріо.

Что говоритъ о храбрости моей?

Протей.

О, въ ней она сомнѣнья не имѣетъ.

Юлія (*про себя*).

Затѣмъ, что ей твоя извѣстна трусость.

Туріо.
Ну, а на счетъ моей породы какъ?
Протей.
Что вы отъ древнихъ предковъ низошли.
Юлія (*про себя*).
И заключили родъ ихъ — дуракомъ.
Туріо.
А о моихъ владѣніяхъ обширныхъ?
Протей.
Она о нихъ жалѣеть.
Туріо.
Почему же?
Юлія (*про себя*).
Что ихъ такой осель, какъ ты, имѣешь.
Протей.
Что ими вы не правите.
Юлія.
Вотъ герцогъ.

Входитъ герцогъ.

Герцогъ.
Ну, что, Протей? что Туріо? что слышно?
Не встрѣтилъ ли изъ васъ кто Эгламура?
Туріо.
Я — нѣтъ.
Протей.
Я также.
Герцогъ.
Ну, а дочь?
Протей.
Свѣтлѣйшій герцогъ, я ея не видѣлъ.
Герцогъ.
Ну, такъ она бежала къ Валентину,
И Эгламуръ былъ спутникомъ ея.
Да, это такъ; ихъ встрѣтилъ братъ Лаврентій,
Когда, молясь, онъ лѣсомъ проходилъ.

Его узналъ онъ сразу; но ее
Подъ маскою не могъ онъ распознать.
Къ Патрикію вчера она хотѣла
На исповѣдь придти, но не пришла.
Ея побѣгъ все это подтверждаетъ.
Прощу, не тратьте время въ разсужденьяхъ,

Но на коня скорѣе. Мы сойдемся
У склона горь, что къ Мантуѣ идутъ:
Они туда бѣжали вѣроятно.
Живѣй, синьоры! Слѣдуйте за мною.

(Уходитъ).

Турио.

Какая безразсудная; бѣжитъ
Отъ счастья, когда оно при ней!
Пойду за ней, не изъ любви къ безумной,
Но чтобъ отмстить за это Эгламуру.

(Уходитъ).

Протей.

Пойду — но не изъ мести къ Эгламуру:
Нѣтъ, къ Сильвіи любовь меня влечетъ.

(Уходитъ).

Юлія.

А я — не изъ вражды къ ея любви,
Но чтобъ помѣхой быть ея любви.

(Уходитъ).

СЦЕНА III.

Мантуанская граница. Лѣсъ.

Входятъ Сильвія и разбойники.

1-й разбойникъ.

Иди, иди — не бойся ничего;
Мы къ атаману отведемъ тебя.

Сильвія.

О, тысячи несчастій научили
Меня покорно все переносить!

2-й разбойникъ.

Ведите же ее; чего жъ вы стали?

1-й разбойникъ.

Гдѣ жъ дворянинъ, который съ нею былъ?

3-й разбойникъ.

О, этотъ прытокъ — всѣхъ насъ обогналъ;
Его теперъ преслѣдуютъ Валерій
И Моисей. Такъ съ нею ты ступай
На западную оконечность лѣса:
Тамъ атаманъ. А мы затѣмъ въ погоню —
Не убѣжитъ онъ: занять лѣсъ кругомъ.

1-й разбойникъ.

Пойдемъ со мной въ пещеру атамана;
Не бойся — онъ достойный человекъ,
И женщинъ никогда не оскорбляетъ.

Сильвія.

О, Валентинъ! Все это за тебя!

(Уходитъ).

СЦЕНА IV.

Другая часть лѣса.

Входитъ Валентинъ.

Валентинъ.

Къ чему не привыкаетъ человекъ!
Глухой, пустынный и безлюдный лѣсъ
Милѣй мнѣ людныхъ, пышныхъ городовъ.
Здѣсь я могу сидѣть въ уединеннѣи,
И къ жалобнымъ напѣвамъ соловья
Подлаживать тоску мою и горе.
О, ты, живущая въ моей груди.
Не покидай жилища своего,
Чтобъ, рухнувши, оно не подавило
И памяти о томъ, что прежде было!
О, Сильвія! прекраснѣйшая нимфа!
Утѣшь меня, возстанови жилище!

(Слышенъ шумъ).

Что тамъ за шумъ сегодня? что за крики?
Не шайка ли моя тамъ разгулялась?
Ихъ воля — имъ единственный законъ;
За путникомъ охотятся они.
Они ко мнѣ привязаны, но трудно
Ихъ сдерживать отъ грубостей и буйства.
Но скройся, Валентинъ — сюда идутъ.

(Отходитъ въ сторону).

Входятъ Протей, Сильвія и Юлія.

Протей.

Вы преданность не цѣните мою,
Синьора: я съ опасностію жизни
Вамъ оказалъ услугу; я избавилъ
Васъ отъ злодѣя: онъ бы обезчестить
Рѣшился васъ. И за такую помощь

Лишь ласковаго взгляда я прошу.
Я не могу просить награды меньшей,
Да меньшей вы не можете и дать.

Валентинъ (*про себя*).

Не сонъ ли это? О, любовь, пошли
Терпѣнье мнѣ — то слышать и молчать!

48

Сильвія.

О, я несчастная!

Протей.

Несчастной были

До моего прихода вы; теперь
Я сдѣлалъ васъ счастливою опять.

Сильвія.

Я отъ него еще несчастнѣй стала.

Юлія (*про себя*).

И я, когда онъ станетъ ближе къ ней.

Сильвія.

О, лучше быть растерзанною львомъ
И послужить ему кровавой пищей,
Чѣмъ жизнью быть обязанной Протею —
Обманщику! О, небо, будь свидѣтель,
Что я люблю всѣмъ сердцемъ Валентина!
Мнѣ жизнь его души моей дороже
И столько же — вѣдь больше ужъ нельзя —
Я ненавижу лживаго Протея.
Иди жъ прочь — оставь меня въ покоѣ!

Протей.

Чего бы я — не исключая смерти —
За взглядъ одинъ привѣтливый не вынесъ!
О, какъ стара и вмѣстѣ какъ свѣжа
Та истина, что женщина не можетъ
Любить того, кто дышитъ къ ней любовью.

Сильвія.

И что Протей не можетъ ту любить,
Которою онъ такъ любимъ. О, вспомни
Про Юлію, про первую любовь!
Ты раздробилъ свою предъ нею вѣрность
На много тысячъ клятвъ ненарушимыхъ,
Чтобъ ихъ нарушить всѣ изъ-за меня.
Нѣтъ больше вѣрности въ тебѣ, коль скоро
Въ тебѣ нѣтъ двухъ; а это будетъ хуже,
Чѣмъ вовсе не имѣть ея: ужъ лучше
Быть безъ нея, чѣмъ много ихъ имѣть.

Ты предалъ друга вѣрнаго.

Протей.

Но кто

Въ любви о дружбѣ помнить?

Сильвія.

Лишь не ты.

Протей.

Ну, если ни мольбы мои, ни просьбы
Тебя склонить ко мнѣ не въ состояньи,
Я, какъ солдатъ, того достигну силой
И обращаю въ насиліе любовь.

Сильвія.

О, небо!

Протей (*бросаясь къ Сильвіи*).

Ты насилію уступишь.

Валентинъ.

Прочь, негодяй! Не прикасайся къ ней
Рукой своей безчестной!

Протей.

Валентинъ!

Валентинъ.

О, низкій другъ — безъ чести, безъ любви!
Да, таковы теперь друзья. Измѣнникъ,
Ты обмануль мои надежды, — въ этомъ
Я собственнымъ глазамъ повѣрить долженъ.
Ужъ не могу сказать, что у меня
Есть другъ — во лжи меня ты уличишь.
Кому теперь довѣриться, когда
Своя же правая рука готова
Предать родную грудь? О, больно мнѣ,
Что не могу тебѣ я больше вѣрить,
Что долженъ всѣхъ людей считать чужими!
О, горькій вѣкъ! Мнѣ сталъ врагомъ презрѣннымъ,
Кого считалъ я другомъ неизмѣннымъ.

Протей.

Стыдъ и вина меня уничтожаютъ.
О, Валентинъ, прости, прости меня!
И если можетъ искупить проступокъ
Сердечное раскаянье, то вѣрь —
Моя вина не больше, чѣмъ страданье.

Валентинъ.

Довольно; я готовъ тебѣ повѣрить,
Тотъ, для кого прощенье недоступно,
Ни небу, ни землѣ не будетъ годенъ,

Затѣмъ, что небо и земля прощаютъ,
Раскаянъе смиряетъ божій гнѣвъ.
Чтобъ вѣрилъ ты, что я тебѣ прощаю
Твою вину — тебѣ я уступаю
Все, что считалъ я въ Сильвіи моимъ.

Юлія (*упадая въ обморокъ*).

О, я несчастный!

Протей.

Что съ нимъ, посмотрите?

Валентинъ.

Эй, мальчикъ, что съ тобою? Ободришь!
Открой глаза. Ну, говори же, мальчикъ!

50

Юлія.

Ахъ, синьоръ, мой господинъ поручилъ мнѣ отдать кольцо синьорѣ
Сильвіи, а я забылъ про это.

Протей.

Но гдѣ жъ кольцо?

Юлія.

Вотъ здѣсь.

(*Подаетъ ему кольцо*).

Протей.

Что это значитъ?

Кольцо я это Юліи отдалъ.

Юлія.

Простите — я ошибся. Вотъ кольцо,
Которое вы къ Сильвіи послали.

(*Подаетъ ему другое*).

Протей.

Но какъ же то кольцо къ тебѣ попало?
Его вручилъ я Юліи, прощаясь.

Юлія.

Мнѣ Юлія сама его дала,
И Юлія его вамъ возвращаетъ.

Протей.

Какъ? Юлія?

Юлія.

Взгляни — я та, которая была
Предметомъ клятвъ твоихъ и сберегла
Глубоко въ сердцѣ ихъ, хотя извлечъ
Ты съ корнемъ ихъ старался вѣроломствомъ.
Стыдись, Протей, что я надѣла платъ
Мнѣ неприличное; краснѣй, коль можетъ
Такой нарядъ, придуманный любовью,

Позорнымъ быть;
Но будь увѣренъ, менѣ позорна
Для женщины одѣжды перемѣна,
Чѣмъ для мужчины — вѣрности измѣна.

Протей.

Измѣна вѣрности? О, небо! правда!
Но чтобъ мужчинѣ совершеннымъ быть
Недостаетъ ему лишь постоянства;
А безъ него нельзя не согрѣшить;
Невѣрность умираетъ до рожденья.
О, что жъ меня такъ къ Сильвіи влекло
Чего бы постоянство не нашло
У Юліи — въ лицѣ ея прелестномъ?

Валентинъ.

Ну, дайте жъ ваши руки: не лишите
Вы счастья меня — васъ примирить!
Межъ двухъ друзей вражды не должно быть.

Протей.

Свидѣтель Богъ — сбылось мое желанье!

Юлія.

Какъ и мое!

Входятъ разбойники съ герцогомъ и Туріо.

Разбойники.

Добыча, атаманъ!

Валентинъ.

Назадъ! вѣдь это нашъ свѣтлѣйшій герцогъ.
Изгнанникъ вашъ, несчастный Валентинъ,
Привѣтствуетъ васъ, герцогъ.

Герцогъ.

Валентинъ?

Туріо.

А вотъ и Сильвія — она моя!

Валентинъ.

Назадъ — не то тебя постигнетъ смерть!
Держись отъ гнѣва моего подальше;
Не называй ее своей — иначе
Милана больше не видать тебѣ.
Посмѣй лишь къ ней рукою прикоснуться,
Посмѣй взглянуть на милую мою!

Туріо.

Синьоръ, о ней я, право, не забочусь;
Не такъ я глупъ, чтобъ жизнью рисковать
За ту, которая меня не любитъ,
И вамъ ее охотно уступаю.

Герцогъ .

Какой же подлый ты и низкій трусь,
Что послѣ всѣхъ искательствъ согласился
Ее сейчасъ другому уступить!
Клянуся честью рода моего,
Вашъ смѣлый духъ цѣню я, Валентинъ;
Достойны вы любви любой принцессы.
Забылъ я нашу ссору, и охотно
Васъ призываю къ моему двору —
И, доблести въ награду, возвращаю
Вамъ званье рыцаря. Вы дворянинъ,
И родъ вашъ знаменитъ; вотъ дочь моя —
Ея руки достойны вы вполнѣ.

51

Валентинъ .

Благодарю васъ, герцогъ: вашимъ даромъ
Меня вы осчастливили; но есть
Еще одно желанье у меня —
Исполните для Сильвіи его.

Герцогъ .

Я и для васъ готовъ его исполнить.

Валентинъ .

Изгнанники, съ которыми я жилъ,
Достойные и нравственные люди —
Простите имъ ихъ здѣшній образъ жизни,
Дозвольте имъ вернуться изъ изгнанья.
Они теперь исправились вполнѣ
И съ пользою служить вамъ могутъ, герцогъ.

Герцогъ .

Согласенъ: и тебѣ, и имъ прощаю
По ихъ способностямъ дай имъ мѣста.
Теперь въ Миланъ; тамъ зло мы позабудемъ
Въ веселіи, въ пирахъ и въ торжествѣ.

Валентинъ .

Дорогою надѣюсь позабавить
Однимъ смѣшнымъ разговоромъ вашу свѣтлость.
Какъ нравится вамъ этотъ юный пажъ?

Герцогъ .

Прекрасный мальчикъ. Что жъ онъ все краснѣетъ?

Валентинъ .

Но онъ не столько мальчикъ, какъ прекрасенъ.

Герцогъ .

Что хочешь ты сказать такую шуткой?

Валентинъ .

Дорогой все подробно расскажу —
И многому вы, герцогъ, подивитесь.
Протей за нами. Въ наказанье, ты
Своей любви услышать долженъ повѣсть;
Затѣмъ да будетъ свадьбы нашей день
Съ твоимъ одинъ: чтобъ праздникъ былъ одинъ,
И домъ одинъ, одно двойное счастье!

(Уходятъ).

Всеv. Миллеръ.